

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

~~1912~~

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ.

А. К. Дживелегова.

Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО“,

Москва, Моховая, 26.

1901.

Цѣна 50 коп.

ИЗДАНИЯ МАГАЗИНА
„КНИЖНОЕ ДѢЛО“

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ,

и находящіяся на складѣ:

- Абрамовскій, Э. Психологическія основы социологии и историческій материализмъ. М. 1900 г. Ц. 50 к.
- „Азія“. Иллюстрированный географическій сборникъ. Ун. К. М. Н. Пр. допущенъ въ биб. сред. учеб. завед. М. 1900. Ц. 2 р.
- Андерсонъ, Р. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Съ рисунками и картами. М. 98. Ц. 50 к.
- Бертильонъ, Ж. Приемы собиранія и разработки статистическихъ свѣдѣній. Переписи населенія. Перев. Н. Θ. Джунковскаго со вступительной статьей проф. А. Θ. Фортунатова: „О научной обработкѣ статистическихъ матеріаловъ“. Ц. 1 р. 50 к.
- Богучарскій, В. Я. Дѣятель трехъ революцій (Маркизь Лафайетъ). Съ портретомъ Ц. 1 р.
- Брентано, Л. Обь отношеніи заработной платы и рабочаго времени къ производительности труда. Пер. Дена и Святловскаго 2-го. Ц. 75 к.
- Буассье, Г. Госпожа де Севинье. Историко-біографическій очеркъ. Съ портретомъ ея. М. 1900. Ц. 60 к.
- Варбъ, Е. Сельско-хозяйствен. наемные рабочіе въ жизни и законодательствѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Веригинъ, Н. І. Г. Песталоцци. Біогр. оч. Съ портр. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
- Гаазъ, Θ., д-ръ. Призывъ къ женщинамъ. Ц. 25 к.
- Визнеръ, Юл. Проф. Физиологія растений. Переводъ съ предислов. проф. К. А. Тимирязева. Съ 10 рис. въ текстѣ. М. 1900. Ц. 1 р. 20 к.
- Гебель, В. Я. Внѣшкольное народное образованіе въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиддинсъ, Ф. Г. Основы социологии. 2-е изд. М. 98 г. Ц. 1 р.
- Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ. С.-Пб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, А. А. Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. С.-Пб. 1881. Ц. 1 р. 25 к.
- Грантъ-Алленъ. Жизнь растений. Попул. бесѣды. Съ 51 рис. Ц. 60 к.
- Гроссе, Э. Формы семьи и формы хозяйства. Ц. 1 р.
- Деберль. Исторія Южной Америки. Ц. 1 р. 50 к.
- Демолень, Э. Новое воспитаніе. Ц. 80 к.
- Джемсъ, В. Стоитъ ли жить? Ц. 20 к.
- Дрейфусъ, К. Міровая и социальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.
- Дюкло, Е. Защита отъ болѣзней. 1898 г. Ц. 15 к.
- Зиммель, Г. Проблемы философіи исторіи. Ц. 60 к.
- Іерингъ, Р. Борьба за право. М. 1901. Ц. 30 к.
- Каблуковъ, Н. А. Обь условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Ц. 1 р. 75 к.
- Кардо-Сисоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Ц. 50 к., въ изящ. перепл. 80 к.
- Кардо-Сисоева, Н. Е. Три разсказа для дѣтей. Съ рис. Ц. 85 к. Въ пакѣ ц. 1 р.
- Квасковъ, Я. Г. Реформа библиотечнаго дѣла. Ц. 25 к.
- Кейра, Ф. Воспитаніе характера (оттискъ изъ кн. Фуллье: „Темпераментъ и характеръ“). Ц. 10 к.
- Кирхенгеймъ, А., фонъ. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Ц. 45 к.
- Клоддъ, Э. Первобытнй челоѡкъ. Съ 87 рис. М. 1898 г. Ц. 50 к.

14332

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА

~~1912~~ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ.

А. К. Дживелегова.

МОСКВА.

Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО“.

Моховая, 26.

1901.

39

Библиотека ИАФ СССР

Handwritten mark resembling a stylized 'K' or '4' in the top right corner.

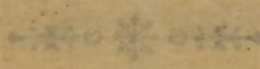
ГОРОДСКАЯ ОРДЕНА

ВЪ СРЕДНЕ ВЪКА

Литература по истории и географии древней Руси

70846

Дозволено цензурою. Москва, 10 мая 1900 г.

МОСКВА

Издательство книжное дело

Москва

Типо-литогр. А. В. Васильева и К^о, Москва, Петровка, д. Обединой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Вопросъ о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ неразрѣшимъ, ибо надо согласиться съ фактомъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь, — съ фактомъ отсутствія документовъ, относящихся къ муниципальному устройству за промежутокъ въ четыреста лѣтъ (VII—X вв.). Повидимому, этотъ пробѣлъ не будетъ заполненъ никогда... За неимѣніемъ фактовъ ученые прибѣгли къ догадкамъ¹⁾“.

Такимъ скептическимъ замѣчаніемъ начиналъ сравнительно недавно свое изслѣдованіе о средневѣковыхъ коммунахъ французской историкъ Ашиль Люшеръ. Если бы это было дѣйствительно такъ, то положеніе исторической науки въ данномъ вопросѣ было бы безнадежно. Между тѣмъ вопросъ о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ-капитальной важности, и не даромъ историческія изслѣдованія все настойчивѣе и настойчивѣе возвращаются къ нему. Люшеръ не вполнѣ правъ, говоря о полномъ отсутствіи документовъ, въ этомъ читатель убѣдится изъ дальнѣйшаго, но если бы даже документовъ дѣйствительно не было, то и тогда наукѣ нечего бы было отчаяваться. Историческая методологія выработала приемы познанія такъ называемыхъ скрытыхъ фактовъ, — приемы, нашедшіе примѣненія главнымъ образомъ въ такихъ историко-юридическихъ проблемахъ, какова инте-

¹⁾ A. Luchaire. Les communes francais à l'époque des Capétiens directs. 1890, pp. 11 - 12.

ресующая насъ, и нерѣдко результаты, установленные при помощи этихъ пріемовъ, находили подтвержденіе въ дальнѣйшихъ документальныхъ изслѣдованіяхъ. Нечего и говорить, что изслѣдованія, основанныя на одной логикѣ и не подкрѣпленныя фактами, и не дадутъ ничего, кромѣ гипотезъ, зачастую крайне ненадежныхъ; этимъ въ значительной степени и объясняется шаткость тѣхъ выводовъ, которые, какъ выводы Зома, были получены преимущественно путемъ логической работы. Вообще говоря, вопросъ о происхожденіи городовъ не можетъ въ настоящее время считаться окончательно разрѣшеннымъ и, вѣроятно, долго еще изслѣдователи будутъ трудиться надъ нимъ. Результаты сдѣланной до сихъ поръ работы скорѣе отрицательнаго свойства: фактовъ набралось достаточно, чтобы покончить съ нѣкоторыми старыми теоріями. Что касается положительныхъ результатовъ то ихъ, пожалуй, хватитъ для построенія соціологической схемы, но прослѣдить эволюцію фактовъ мы пока не можемъ. Мѣстные особенности только-только начинаютъ вырисовываться, вопросъ о переживаніи римскихъ порядковъ едва-едва водворяется въ подобающую ему ограниченную область. Одно капитальное, тоже отрицательное, приобрѣтеніе можно считать въ достаточной степени прочнымъ. Наука совершенно отказалась отъ упрощеннаго способа рѣшенія сложной проблемы, о происхожденіи города, отъ сведенія его начала къ одной рубрикѣ отношеній, римскихъ или германскихъ. Объясненіе институтовъ духомъ одной какой-нибудь націи, наслѣдіе эпохи романтизма,

поры исканія формуль „народнаго духа“, универсальнаго источника всѣхъ политическихъ, социальныхъ и социально-психическихъ отношеній надо считать анахронизмомъ. Правда, отголоски рожденной въ реакціонную эпоху національно-научной исключительности слышатся и до сихъ поръ, но это не больше, какъ отголоски постепенно стихающіе и замирающіе. Наоборотъ, результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ на различныхъ почвахъ, нѣмецкой, французской, англійской, итальянской, обнаруживаютъ поразительное единогласіе въ вопросѣ объ условіяхъ появленія городовъ. Чуждая національнаго антагонизма, занятая единственно исканіемъ исторической правды, современная наука отмѣчаетъ одно и то же условіе, какъ основную движущую пружину возникновенія городовъ—эволюцію экономическихъ отношеній. Безъ предвзятой идеи — трудно кого-нибудь изъ излагаемыхъ, ниже ученыхъ заподозрить въ историческомъ материализмѣ—изслѣдователи сходятся въ этомъ выводѣ. Никто изъ нихъ не обнаруживалъ особеннаго желанія доискиваться до экономическихъ условій: они сами выдвигались все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ шла впередъ работа. Никто, конечно, не считаетъ ихъ единственными, но для всѣхъ ясно, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть одну изъ главныхъ причинъ.

Вопросъ о происхожденіи городовъ — не новый вопросъ. Въ числѣ ученыхъ, бравшихся за его разрѣшеніе, мы встрѣчаемъ Савиньи, Дюбо, Ренуара, Маурера, Нича и другихъ, которые удобно разбиваются на рубрики. Мы не станемъ разсматривать

всѣ изслѣдованія; о нѣкоторыхъ мы даже не упомянемъ. Лишь для полноты придется припомнить взгляды тѣхъ, съ которыми разбираемые нами ученые стоятъ въ той или иной связи.

Наша задача заключается въ попыткѣ изложить нѣкоторыя изъ новѣйшихъ теорій о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Мы имѣемъ въ виду слѣдующіе сочиненія 1) B e l o w, „Die Entstehung der deutschen Stadtgemeinde“, 1889; 2) R. S o h m, „Die Entstehung des deutschen Städtewesens“ 1890; 3) B e l o w, „Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung“, 1892; 4) F l a c h, „Les origines de l'ancienne France“, Т. II (Les origines communales), 1893; и 5) „K e u t g e n, Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung“, 1895 ¹⁾.

Предлагаемая работа въ своемъ первоначальномъ видѣ была сдѣлана въ семинаріи профессора П. Г. Виноградова и подъ его руководствомъ въ 1897 году. Позднѣе въ нее были внесены значительныя дополненія. Авторъ не успѣлъ довести ее до послѣдняго времени и дать обзоръ всей позднѣйшей литературы предмета. Печатается она въ этомъ неполномъ видѣ въ томъ соображеніи, что вопросъ о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ не исключительно академическій, а представляетъ и живой общій интересъ.

А. Д.

Москва, 1900, августъ.

1) Бѣглый обзоръ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдованій сдѣланъ въ статьѣ Эшли (Ashley), „The beginning of the town life in the Middle Ages“ въ Quarterly Journal of Economics“ за 1896 (іюль).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Полемика Белова и Зома.

I.

Теорія, противъ которой Беловъ главнымъ образомъ направляетъ свою аргументацію—теорія Нича. По мнѣнію этого историка городская жизнь началась въ сенъеральныхъ учрежденіяхъ. Первое время муниципальный режимъ смѣшивается съ сенъеральнымъ правомъ (Hofrecht) и лишь постепенно сенъеральныя учрежденія превращаются въ муниципальныя. Цѣлый штабъ прислуги сенъера (ministeriales), занимавшей самыя разнообразныя должности и группировавшейся около его резиденціи, постепенно усвоилъ себѣ муниципальныя функціи, и такимъ образомъ постепенно выросли городскія установленія ¹⁾. Беловъ говоритъ о теоріи Нича, какъ о господствующей. Это не совсѣмъ вѣрно. Уже Мауреръ ²⁾ выставилъ противъ Нича цѣлый рядъ возраженій. Они сводятся къ слѣдующему.

Въ свободныхъ городахъ, гдѣ не было барщинныхъ дворовъ, само собою разумѣется, не можетъ быть рѣчи о вліяніи сенъеральныхъ учрежденій. Но это вліяніе трудно доказать и относительно помѣщичьихъ городовъ. Для того, чтобы признавать его, необходимо признать также полное совпаденіе барщиннаго двора съ общиной. А это случай чрезвычайно рѣдкій. Гораздо чаще въ одной общинѣ

¹⁾ Ministerialität und Bürgerthum 1859.

²⁾ Geschichte d. deutschen Stadtverfassung. B. I. 1869, стр. 145 слѣд.

бывало нѣсколько барщинныхъ дворовъ или наоборотъ одинъ барщинный дворъ обнималъ нѣсколько небольшихъ общинъ. Затѣмъ, еѣли бы преемственность между тѣми и другими учрежденіями существовала на дѣлѣ, то всѣ свободные бюргеры должны были бы быть исключены изъ общины. Наконецъ самый сильный аргументъ противъ этой теоріи заключается въ томъ фактѣ, что во многихъ старыхъ городахъ, напр. Мюнстерѣ, сеньеральныя учрежденія существовали рядомъ съ городскими.

Кромѣ Маурера на Нича нападалъ извѣстный знатокъ исторіи нѣмецкихъ городовъ Гегель. Но за то теорію Нича поддерживали и развивали такіе солидные ученые, какъ Гейслеръ, Шмоллеръ, отчасти Арнольдъ.

Беловъ рѣшительно отказывается принять эту теорію. Онъ даже совершенно устраняетъ изъ своей работы изслѣдованіе сеньеральной системы (Entst. 3 прим.)

Лишь вскользь указываетъ онъ на методологическую ошибку Нича и его послѣдователей, заключающуюся въ томъ, что они подтверждали свои положенія исключительно фактами изъ исторіи епископскихъ городовъ (Bischofsstädte), всего больше говорящими въ пользу ихъ теоріи.

Онъ примыкаетъ къ мнѣнію Маурера, который видѣлъ начало города въ первобытной нѣмецкой земельной общинѣ—маркѣ и лишь въ немногомъ отступаетъ отъ его взгляда (ср. напр. Entst. 84).

Свою задачу Беловъ видитъ въ болѣе прочномъ, основанномъ на новѣйшихъ научныхъ приобрѣтеніяхъ, обоснованіи теоріи происхожденіи города отъ земельной общины (Langemeinde). Такимъ образомъ Беловъ суживаетъ поле изслѣдованія. Онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о римскомъ вліяніи и отбрасываетъ вопросъ о вліяніи сеньерольныхъ учрежденій.

Средневѣковый городъ прежде всего—община. Другія отношенія городского устройства: судебныя, военныя, — не больше какъ пріобрѣтенія города-общины. Поэтому важнѣйшій вопросъ при изслѣдованіи возникновенія городского устройства—вопросъ о городской общинѣ.

Но прежде чѣмъ повести рѣчь о городской общинѣ, Беловъ нѣсколько времени останавливается на земельной крестьянской общинѣ (Landgemeinde, Bauerschaft).

Земельная община вела общее хозяйство на альмендѣ, т. е. на земельныхъ угодьяхъ—лѣсѣ, пустошахъ, выгонахъ, лугахъ. Въ пользованіи пахотной землей—въ общинѣ господствовалъ принципъ общности въ хозяйствѣ (Wirtschaftsgemeinschaft ¹⁾).

Всѣ вопросы, возникавшіе въ общинѣ по той или другой причинѣ рѣшалъ общинный сходъ; сюда относилась главнымъ образомъ регулировка мѣры и вѣса. Сельскій сходъ кромѣ управленія дѣлами общины имѣлъ еще и судебную компетенцію, выходящую иногда за сферу чисто хозяйственныхъ вопросовъ. Этотъ общинный судъ, *Vurding*, въ одинаковой степени отличается, какъ отъ государственнаго, такъ и отъ сенъеральнаго суда. Источникъ его компетенцій—автономія общины.

Во главѣ общины стоитъ ея старшина подъ названіемъ *Bauermeister* и пр. Бауермейстеръ управляетъ дѣлами общины первое время одинъ; при возникающихъ затрудненіяхъ онъ сзываетъ сходъ.

¹⁾ Беловъ прибавляетъ, что принципъ общности въ хозяйствѣ господствовалъ кромѣ того и въ пользованіе мѣстами, отведенными подъ постройки (*Hofstätte*). Что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ, понять очень трудно. Когда говорятъ объ общности въ хозяйствѣ въ соединеніи съ пахотной землей, понятно, что рѣчь идетъ о чрезполосицѣ, но другое примѣненіе этого принципа крайне туманно и едва-ли въ общинномъ устройствѣ было что-либо подобное.

Только въ позднѣйшее время рядомъ съ нимъ возникаетъ коллегія „присяжныхъ“ (Geschworene, iurati), отчасти помогающая ему, отчасти контролирующая его.

Такъ дѣло обстоитъ въ свободныхъ общинахъ, которыхъ въ эпоху возникновенія городовъ было немного. Большинство общинъ были зависимыя (abhängige). Зависимость эта выражалась въ томъ, что владѣльцу барщиннаго двора (Frohnhof) принадлежала верховная собственность надъ альмендой. Господство совершенно или почти совершенно не простиралось на личность и имущество крестьянъ. Автономія общины была ограничена лишь въ незначительной степени: сеньеръ или господинъ общины (Bauerschaftsherr), какъ предлагаетъ называть его Беловъ, пользуется извѣстнымъ вліяніемъ при назначеніи общиннаго старшины, пользуется извѣстнымъ процентомъ съ судебныхъ доходовъ бурдинга, налагаетъ извѣстную барщину на нѣкоторыхъ крестьянъ. Впрочемъ иногда вліяніе господина было настолько сильно, что въ старшины общины попадалъ человѣкъ изъ его барщиннаго двора (villicus, Schultheiss). Никогда однако зависимость общины не была зависимостью всѣхъ крестьянъ.

Существованіе свободныхъ крестьянъ объясняетъ и возникновеніе класса свободныхъ ремесленниковъ.

Городъ, какъ и крестьянская земельная община, прежде всего марка; у него есть альменда, которая еще имѣетъ большое значеніе. Это показываютъ волненія цеховъ въ болѣе позднія времена ¹⁾ и настойчивое упоминаніе объ альмендѣ въ грамотахъ. Альменда важна еще съ другой стороны. Зависимость города, какъ и зависимость крестьянской общины, выражается въ правѣ владѣльца бар-

¹⁾ Изъ за альменды идутъ постоянные раздоры между патриціями и ремесленниками.

щиннаго двора на верховную собственность надъ альмендой. И вотъ, чтобы избавиться отъ зависимости, горожане ведутъ упорную борьбу за свободное пользованіе альмендой; когда добились этого, то оказалось очень легко добиться снятія и другихъ ограниченій.

Другой признакъ марки, общій городу съ крестьянской общиной, заключается въ условіи для полученія права быть бюргеромъ; — оно заключалось въ приобрѣтеніи недвижимой собственности (Haus und Hof).

Таковы два положительныхъ признака, которые позволяютъ сдѣлать заключеніе о происхожденіи города отъ общинной марки. Для большаго подкрѣпленія этого положенія Беловъ доказываетъ несостоятельность другихъ возрѣній.

Думаютъ, что исходный пунктъ развитія города — судебный округъ. Правда, для общины требуется извѣстный судебный округъ, но мы не видимъ обратнаго, т.-е. чтобы для суда требовался общинный округъ. Къ тому же городская жизнь въ небольшихъ общинахъ началась прежде, чѣмъ онѣ могли представить одну большую общину для окружающаго ихъ судебного округа. Ясно, почему этого не можетъ быть. Судъ не коммунальный органъ, у него нѣтъ коммунальныхъ функцій, въ то время, какъ городъ прежде всего община ¹⁾.

Поэтому же исходнымъ пунктомъ развитія города не могъ быть церковный приходъ. Община и приходъ исключаютъ другъ друга.

Не можетъ быть имъ и гильдія: городское населеніе составляютъ не одни только члены гильдіи, и въ гильдіи есть не городскіе элементы.

Есть еще мнѣніе, что городъ возникъ изъ ничего, благодаря случайному соединенію людей, составившихъ затѣмъ его населеніе. Но это мнѣніе

¹⁾ Ср. ниже главу о Кейтгенѣ.

основано на совершенномъ недоразумѣніи, и Беловъ его вышучиваетъ.

Разъ городъ—марка, то, безъ сомнѣнія, управленіе и судъ должны отражать въ себѣ аграрныя отношенія. Эту сторону Беловъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія, находя, что для ея выясненія достаточно сдѣлано уже Мауреромъ. Ближайшую цѣль своего изслѣдованія онъ видитъ съ установленіи преемственной связи между коммунальными органами и бурдингомъ крестьянской общины, съ одной стороны, и коммунальными органами и судомъ городской общины—съ другой.

Для этого надо установить, что составляло центральный пунктъ въ дѣятельности коммунальныхъ органовъ. Эта задача не легкая, потому что въ различныхъ городахъ ихъ функціи и ихъ компетенція далеко не однородны. Однако, есть возможность, устранивъ всѣ случайные и мѣстные признаки, опредѣлить специальное поле дѣятельности городского совѣта (Rat)—какъ задачу внутренняго управленія; въ первое время эта сторона была крайне ограничена и заключала въ себѣ только заботу о мѣрѣ и вѣсѣ, т.-е. сферу полиціи жизненныхъ продуктовъ (Lebensmittelpolizei).

Подтверженіемъ этого положенія могутъ служить многочисленныя упоминанія объ этомъ въ различныхъ грамотахъ. Съ регулировкой мѣры и вѣса тѣсно связанъ вопросъ о ремесленномъ трудѣ (Handwerkwesen); поэтому и въ дѣятельности городского совѣта эти двѣ рубрики оставались неразрывны.

Если вѣдѣніе вопросами мѣры и вѣса и отношеніями ремесла было въ кругѣ дѣятельности общины, то и цехи—общинное учрежденіе, а вовсе не обязанное своимъ возникновеніемъ сенъеральному праву или государству. Мотивы къ созданію цеховъ могли появиться лишь тогда, когда выяснилось значеніе ремесль, явился притокъ людей

въ городъ и родилась конкуренція. Въ XII вѣкѣ этихъ мотивовъ быть не могло, и цеховъ было очень немного; въ XIII вѣкѣ ихъ больше. Лишь, въ XIV и XV, когда конкуренція усиливается, цехи появляются все чаще и чаще. Въ независимыхъ общинахъ разрѣшеніе основанія цеха и утвержденія въ должности его представителя принадлежитъ общинѣ, въ зависимыхъ—либо одному господину общины, либо господину общины совмѣстно съ послѣдней. Рядомъ со стремленіемъ общины отдѣлаться отъ сеньеральной зависимости возникаетъ новое теченіе—стремленіе цеховъ получить самостоятельность отъ общины.

Такимъ образомъ административныя функціи городской общины тѣсно примыкаютъ къ административнымъ функціямъ крестьянской. Регулировка мѣры и вѣса и забота о развитіи ремесленного труда—совершенно однородны по принципу, только естественно въ городѣ то и другое гораздо сложнѣе.

То же можно сказать и относительно суда. Какъ читатели помнятъ, въ крестьянской общинѣ существовалъ такъ называемый бурдингъ, вѣдавшій главнымъ образомъ несогласія на хозяйственной почвѣ, т.-е. происходящія изъ-за земли; кромѣ того онъ разбиралъ препирательства изъ-за мѣры и вѣса, а также судилъ за незначительныя преступленія. Всѣ эти признаки мы находимъ въ городскомъ судѣ. Но у послѣдняго, кромѣ этого мы находимъ новыя полномочія, перешедшія къ нему отъ государственнаго суда. Возникаетъ вопросъ, не ведетъ ли свое начало городской судъ отъ государственнаго. Безусловно нѣтъ. Во-первыхъ, у него было право судить за незначительныя преступленія уже въ раннія времена, когда о подобныхъ заимствованіяхъ не могло быть и рѣчи. Затѣмъ, между городскимъ и государственнымъ судомъ существуетъ разница въ употребленіи штрафныхъ денегъ. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ полу-

чалъ судья—одинъ, не дѣлясь съ общиной, вторыхъ,—только община или община съ сенъеромъ, смотря по ея положенію. Наконецъ, современникомъ была уже ясна связь между бурдингомъ и городскимъ судомъ, что показываетъ терминологія источниковъ. Въ нихъ городской судъ всегда общинный, корпораціонный судъ. Тутъ мы подошли къ центральному пункту изслѣдованія Белова. Онъ — въ вопросѣ о коммунальныхъ ораганахъ. „Происхожденіе городской общины отъ крестьянской будетъ доказано, какъ только докажется возникновеніе власти въ первой изъ власти во второй“ (Entst. 82).

Важнѣйшими институтами тутъ являются бюргермейстеръ и городской совѣтъ. Совѣтъ старше по времени, поэтому съ него и слѣдуетъ начать.

Мауреръ предполагалъ, что совѣтъ, какъ представительная коллегія, возникъ изъ должности старшины крестьянской общины. Это, по мнѣнію Белова, наиболѣе слабый пунктъ теоріи знаменитаго ученаго, много содѣйствовавшей ея подрыву. Дѣйствительно, такое предположеніе не выдерживаетъ критики. Старшинѣ общины соотвѣтствуетъ въ городѣ бюргермейстеръ, принципъ должности котораго часто противорѣчатъ принципу совѣта. Трудно допустить, чтобы одинъ институтъ возникъ изъ другого, когда ихъ назначеніе противоположно одно другому.

Точно также невозможно допустить происхожденіе городского совѣта изъ коллегіи шеффеновъ, засѣдателей при государственномъ судѣ. Это уже потому невѣрно, что подобныя коллегіи были далеко не во всей Германіи. Но и тамъ, гдѣ онѣ существовали, фактъ происхожденія отъ нихъ совѣта является крайне сомнительнымъ.

Единственное учрежденіе, съ которымъ совѣтъ можно поставить въ связь, это—„присяжные“ крестьянской общины. „Присяжные“—выборные об-

щины, совѣтъ—выборные города. Но дѣло въ томъ, что въ эпоху возникновенія городовъ, общины еще не знали этихъ выборныхъ, совѣтъ старше коллегіи „присяжныхъ“.

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ эмбрионъ городского совѣта? Отъ какого института ведетъ онъ свое начало? Такого института мы указать не можемъ. Въ основѣ его компетенціи лежитъ компетенція крестьянской общины, какъ таковой; его компетенція—компетенція общины въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Выраженія въ грамотахъ вродѣ *utilitas communis* или *nutze* (общины) *ind beste* (заботиться), даютъ намъ право думать, что современники видѣли главную задачу совѣта въ заботѣ о благополучіи гражданъ. И такъ какъ совѣтъ—органъ городской общины, то на немъ лежитъ завѣдываніе финансовыми, военными и судебными отношеніями общины. Въ нѣкоторыхъ городахъ, онъ исполняетъ роль судебной коллегіи при публичномъ судѣ, такъ что несомнѣнно, что судебные вопросы и интересы суда имѣли, между прочимъ, значеніе при организациі совѣта.

Совѣтъ—представительная коллегія, и какъ таковая облегчаетъ общину. При разрѣшеніи различнаго рода вопросовъ устраняется необходимость поголовнаго опрашиванія гражданъ. Такимъ образомъ потребность въ созданіи совѣта должна была являться тогда, когда дѣла по внутреннему управленію общины осложнились и разрѣшеніе возникавшихъ вопросовъ на сходѣ слѣдалось неудобнымъ. Эта эпоха, конечно, соотвѣтствовала извѣстному росту города и большей интенсивности въ дѣлахъ управленія.

Слѣдующій главный органъ въ городской общинѣ—бюргермейстеръ. Его происхожденіе совершенно ясно и не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній; бюргеймейстеръ городской общины—это старшина (*Vorsteher*) крестьянской.

Въ эпоху возникновенія городовъ во многихъ крестьянскихъ общинахъ еще сохранилась должность Vorsteher'a. Въ зависимыхъ они назывались старостами (Schultheiss); въ другихъ случаяхъ они носили разныя наименованія: Bauermeister (въ кельнскихъ Sondergemeinde), Zender, Heimbург и иначе. Любопытно то, что эта должность существовала въ обособленныхъ общинахъ, изъ совокупности которыхъ возникъ Кельнъ. Это не Landgemeinde, а лишь аналогичныя по типу общины. Ясно, что титулъ Bauermeister'a въ подобныхъ общинахъ служитъ отчетливымъ показателемъ того, насколько сильно было сознание однородности и преемственной связи крестьянской и городской общины среди современниковъ. Первое время въ юридическомъ положеніи бюргермейстера не произошло никакихъ измѣненій сравнительно съ носителями аналогичной должности въ крестьянскихъ общинахъ. Въ небольшихъ городахъ они носили названіе главы крестьянской общины—староста и т. д. и были назначаемы и смѣняемы господиномъ общины. Въ большихъ же городахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ маленькихъ, общины скоро отняли у сеньеровъ право назначенія и устраненія бюргермейстера.

Такая переменна по времени слѣдуетъ за возникновеніемъ городского совѣта. Совѣтъ нѣкоторое время функционировалъ рядомъ съ назначеннымъ бюргермейстеромъ. Но съ теченіемъ времени удалось добиться права выбора на эту должность. Замѣна ставленника выборнымъ — второй главный пунктъ на пути къ полной самостоятельности городовъ. Первымъ было полученіе права выбора членовъ совѣта.

Такимъ образомъ преемственность коммунальныхъ органовъ доказана. А такъ какъ главный вопросъ заключался въ этомъ, то мы, по мнѣнію Белова, имѣемъ полное право утверждать, что го-

родская община въ Германіи родилась изъ крестьянской земельной общины. Если сенъеральныя отношенія входили въ этотъ процессъ въ качествѣ слабаго пертурбаціоннаго элемента, то это вовсе не уполномочиваетъ дѣлать какія-нибудь иныя заключенія. Теорія Нича должна быть совершенно оставлена.

Аргументація Белова необыкновенно ясна, методъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и возраженій. Правда, не всѣ вопросы, которые стоятъ въ связи съ процессомъ возникновенія города поставлены Беловымъ, а изъ поставленныхъ нѣкоторые разрѣшены односторонне. Мы увидимъ впоследствии, что онъ далеко не съ должнымъ вниманіемъ отнесся къ гипотезѣ вліянія на происхожденіе городского устройства государственнаго судебного округа и совсѣмъ упустилъ изъ вниманія вліяніе римскихъ отношеній. Во всякомъ случаѣ основныя свои положенія Беловъ доказалъ, и дальнѣйшія изслѣдованія лишь подтвердили его выводы.

II.

Книжка Белова вызвала большой интересъ и оживленный обмѣнъ мнѣній между учеными. Вопросъ о происхожденіи общины снова сталъ дебатироваться и можно было надѣяться, что въ концѣ концовъ установятся опредѣленные взгляды на него. „Завѣса, закрывавшая начало нѣмецкихъ городскихъ отношеній отъ глазъ изслѣдователей въ области исторіи права“ — стала повидимому, дѣйствительно, прорываться.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ новыхъ попытокъ, и мы остановимся только на одной. Противъ Белова выступилъ извѣстный юристъ Зомъ съ небольшою брошюрой въ 100 страницъ, озаглавленной „Die Entstehung des deutschen Städtewesens“. Блестящій языкъ, увлекательная аргу-

ментация, большой документальный материал, разносторонняя эрудиция — таковы достоинства этой книжки, и, читая первые главы, положительно, начинаешь соглашаться съ авторомъ. Но подъ конецъ, ясность въ аргументации начинаетъ исчезать и очень ярко выступаютъ слабыя стороны работы. Нѣсколько болѣе внимательное знакомство съ брошюрой даетъ возможность указать и на главный источникъ ошибокъ Зома. Зомъ — юристъ; точка зрѣнія его чисто юридическая, а мы знаемъ какъ опасна бываетъ она порою въ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Юристъ и историкъ оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, — юридическими памятниками ¹⁾. Но точки зрѣнія ихъ кореннымъ образомъ различны. Юристъ увлекается догмой, историкъ старается найти культурный и социальный смыслъ этой догмы; юристъ толкованіемъ государственно-правовыхъ или частно-правовыхъ нормъ или понятій пытается отыскать значеніе того или другого историческаго факта или явленія; историкъ держится эволюціоннаго принципа и смотритъ на нормы, какъ на показатели той или другой ступени извѣстнаго процесса. Юристъ привлекаетъ факты изъ другихъ областей къ разъ установленному имъ толкованію юридическаго термина или юридическаго понятія, отъ чего могутъ произойти натяжки; историкъ не отдаетъ предпочтенія юридическому памятнику передъ другимъ и будетъ одинаково внимательно и добросовѣстно изслѣдовать весь идущій къ дѣлу матеріалъ. Юристъ часто переноситъ современныя понятія въ изучаемую эпоху и строитъ исторію учреждений по устано-

¹⁾ Всѣми слѣдующими соображеніями мы отнюдь не хотимъ утверждать, что юридическая точка зрѣнія неразлучный спутникъ каждаго юриста по профессіи. Она столько же индивидуальна, какъ и всякій методъ въ его деталяхъ.

вившимся юридическимъ рубрикамъ; у историка нѣтъ профессиональной рубрикаціи, хотя и онъ часто бываетъ одержимъ и предвзятыми идеями и тенденціями. Но у него онъ случайны, у юриста его рубрикаціи совершенная *idée-maîtresse*, съ которой онъ рѣдко разстается.

Говоря все это, мы не хотимъ утверждать, будто юридическая точка зрѣнія постоянно должна приводить къ ложнымъ выводамъ и что поэтому ее необходимо старательно обходить при историческомъ изслѣдованіи. Юридическій методъ—методъ логики по преимуществу, историческій — методъ фактическаго изслѣдованія. И одинъ, какъ и другой, примѣненные односторонне могутъ повести къ крупнымъ ошибкамъ. Нельзя исключить логику ихъ работы надъ матеріаломъ, но точно такъ же нельзя переносить въ эту работу приѣмовъ юридическаго мышленія. Нельзя выпускать изъ виду данныя историческихъ памятниковъ, но точно такъ же нельзя ограничиваться только одними памятниками, считать доказанными только въ нихъ упомянутые факты и выдумкой все, что въ нихъ не упомянуто. Между тѣмъ, эта крайность имѣетъ крупныхъ представителей въ исторической наукѣ. Таковъ напр., Фюстель де Куланжъ, который готовъ провозгласить ересью всякую теорію не находящую прямого подтвержденія въ матеріалахъ, и опирающуюся на нихъ лишь косвенно, который не признаетъ ничего, кромѣ текстовъ и боится сдѣлать шагъ безъ ихъ санкціи. Поэтому у Куланжа очень много натяжекъ въ историческихъ построеніяхъ и еще больше совершенно напрасныхъ нападокъ на вѣрныя замѣчанія другихъ изслѣдованій.

Эти замѣчанія объ увлеченіи юридической точкой зрѣнія можно съ большимъ правомъ, чѣмъ къ кому бы то ни было, примѣнить къ аргументаціи Зома.

Зомъ не единственный представитель взглядовъ, изложенныхъ въ его *Städtewesen*; онъ даже не первый ихъ высказалъ. До него еще Вайцъ бросилъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній въ этомъ духѣ, а Шредеръ и Шульте довольно полно формулировали точку зрѣнія этой теоріи, теоріи происхожденія города отъ рынка. Но у Зомы эта теорія представлена съ наибольшей полнотой, и потому мы ограничимся только имъ.

Любопытно то, что самъ Зомъ раньше ¹⁾, въ 1871 году, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что принципъ городскихъ учреждений—коммунальный. Повидимому, судя по не совсѣмъ отчетливымъ замѣчаніямъ въ его „заключеніи“, онъ и теперь не окончательно отрицаетъ значенія крестьянской общины въ возникновеніи города. „Само собою разумѣется, что крестьянская община со своимъ владѣніемъ и со своими учрежденіями не исчезла безъ слѣда (*ohne weiteres*). Многие города выросли изъ деревень“ (*Städtew.* 92). Хотя тутъ же черезъ страницу находимъ такое замѣчаніе: „крестьянская община, какъ такая, исчезла и оставила слѣдомъ своего существованія только своего *Bauermeister*'а“ (*Städtew.* 94).

Но если даже онъ и не рѣшается рѣзко опровергать значенія для города крестьянской общины, то во всякомъ случаѣ не придаетъ ей значенія сколько-нибудь важнаго. Главнымъ *факторомъ* ²⁾ при возникновеніи города онъ считаетъ рынокъ.

Перейдемъ къ его аргументаціи.

„Городское право—право *Weichbild*'а, т.-е. право креста.... Крестъ — рыночный знакъ; пока выставленъ крестъ, продолжается рынокъ. Городъ поль-

1) *Fränkische Reichs-und Gerichtsverfassung*, стр. 232. Книга вышла въ 1871 г. Ср. *Below. Urspr.* 67—68.

2) Мы умышленно подчеркнули это выраженіе. Позже мы увидимъ, что къ этой мысли Зомы относится главное, методическое возраженіе Белова.

зуется правомъ постоянно имѣть крестъ“. Во франкскую эпоху были только временные рынки, поэтому не было городовъ въ правовомъ смыслѣ. На исходѣ IX в. начинается время основанія городовъ. Явились мѣста, которыя сдѣлались рынками по праву. Крестъ красовался тутъ во всякое время. Крестъ—Weichbild. Города—мѣста съ правомъ Weichbild'a, т.-е. съ правомъ постоянного Weichbild'a, постоянного рыночнаго знака. Въ франкскую эпоху городская община совершенно не отличалась отъ деревенской; съ Weichbild'омъ явилась правовая разница между городомъ и территоріей (zwischen Stadt und Land).

Рынокъ требуетъ опредѣленной площади; у этой площади есть извѣстныя границы. Сначала она была невелика и обыкновенно находилась около города стараго типа (римскаго). Но вскорѣ она расширилась и охватила всю ближайшую округу. Границы этой области обозначались крестомъ. Такъ возникъ городской Weichbild, т.-е. область, которая по праву слыла за рыночную область, рыночную площадь. Городъ, это—поселеніе съ подобной рыночной областью.

Weichbild, по мнѣнію Зома, основанному на различныхъ лингвистическихъ соображеніяхъ, значитъ знакъ дома (Haus), укрѣпленнаго дома, бурга. Weichbild тождественно съ Burgbild; оно значитъ: область съ правомъ бурга; это не что иное, какъ показаніе факта, что данный городъ—бургъ. Каждый городъ — бургъ, даже не укрѣпленный. Для того, чтобы городъ сдѣлался городомъ въ правовомъ смыслѣ, ему нѣтъ необходимости въ стѣнахъ, ему достаточно для этого идеальныхъ стѣнъ, образуемыхъ границами Weichbild'a; онѣ однѣ дѣлаютъ городъ бургомъ въ правовомъ смыслѣ, бургомъ, имѣющимъ особенное право бурга. Его граждане—бюргеры, новое сословіе, составленное изъ людей имѣющихъ участіе въ бюргерскомъ правѣ.

Чей же бургъ городъ? Знакомъ Weichbild'a обыкновенно служить крестъ, но иногда онъ замѣняется мечомъ, щитомъ, знаменемъ, перчаткой и т. д. Всѣ эти символы намъ знакомы; это королевскіе знаки, показывающіе, что король присутствуетъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Поэтому и Weichbild,—крестъ или что другое — показываетъ, что въ данномъ мѣстѣ находится король. „Каждый городъ—бургъ, и бургъ короля. Король тамъ“ (Der König ist darin).

Король даетъ право Weichbild'a купцамъ. Это означаетъ дарованіе (Verleihung) такого же права, какое король имѣетъ въ своемъ дворѣ,—права, функционирующаго въ королевскомъ бургѣ, въ которомъ живетъ король. Дарованіе права Weichbild'a, права креста, есть дарованіе этого королевскаго бургскаго права. Благодаря кресту площадь рынка (область Weichbild'a) становится королевскимъ бургомъ, купецъ—бюргеромъ. Благодаря кресту рыночная площадь (городъ) принимается во владѣніе короля (missio in bannum)¹⁾. Города съ рынкомъ—королевскіе города, maiores civitates (Grossstädte), civitates publicae, государственные города, öffentliche Städte. Городское право развилось изъ бургскаго права.

Городъ пользуется миромъ. По нѣмецкому праву каждый домъ пользуется миромъ (ist befriedet), но особеннымъ миромъ пользуется королевскій домъ. Нарушающій миръ въ королевскомъ домѣ подлежитъ тройному штрафу. При этомъ безразлично, находится въ данный моментъ король (герцогъ) дома или нѣтъ. Точно такъ же карается нарушение мира вблизи (in der Nähe) короля,—тамъ, гдѣ король могъ быть.

Сообразно съ этимъ различаются два рода нарушенія мира (путемъ обнаженія меча или какъ-ни-

¹⁾ Urbes regales—не что иное, какъ рыночные города (Marktstädte), притомъ *все* рыночные города.

будь иначе): простое—въ домѣ короля во время его отсутствія или вблизи короля,—за это полагается лишь денежный штрафъ,—и тяжкое, совершенное въ королевскомъ домѣ въ моментъ присутствія короля; такое нарушеніе мира карается уголовнымъ путемъ, до смертной казни включительно.

Въ городѣ присутствуетъ король (посредствомъ символа креста). Какія же правовыя и въ частности уголовноправовыя дѣйствія возникаютъ изъ этого?

По сущности креста Weichbild'a, а также и по обычному (земскому) франкскому праву, нарушеніе мира въ городѣ—нарушеніе только вблизи короля и карается соотвѣтственно этому, а по административному праву (Amtsrecht) — это нарушеніе мира въ домѣ короля и карается уголовными взысканіями. Уголовныя взысканія означаютъ завершеніе (Vollendung) права Weichbild'a; они показываютъ, что и для уголовного права городъ (рыночная площадь) сдѣлался королевскимъ бургомъ. Одержало побѣду право Weichbild'a, не обычнаго, а административнаго права. Область (Weichbild) города въ правовомъ смыслѣ означаетъ область бургскаго мира. Нарушеніе мира въ городѣ относится къ тяжкимъ нарушеніямъ мира, потому что вмѣстѣ въ виду фикція присутствія тамъ короля.

Подъ покровительствомъ королевскаго мира находится не только тотъ, кто въ данный моментъ оказывается „въ домѣ королѣ или вблизи его“, но и тотъ, кто *идетъ* съ королемъ. Такимъ образомъ купецъ, отправляющійся на рынокъ, находится въ сферѣ дѣйствія королевскаго мира: кто направляется на рынокъ (въ городъ), тотъ *идетъ* къ королю, потому что король, благодаря Weichbild'у присутствуетъ въ городѣ. Миръ во время путешествія купцовъ — слѣдствіе мира рынка (бургскаго мира, т. е. слѣдствіе существующаго въ городѣ королевскаго мира). Обида купца на пути—оскорбленіе величества.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что городской миръ иногда понимается, какъ Божій миръ (Gottes friede) и соотвѣтственно этому пользуется покровительствомъ духовной власти. Но это уже вопросъ второстепенной важности: сущность юридической силы городского мира заключается въ перенесенной на городъ идеѣ королевскаго мира.

Мѣсто, охраняемое миромъ, по нѣмецкому праву, представляетъ собою убѣжище (ein Asyl). Оно защищаетъ противъ всякаго насилія, не только неправомѣрнаго, но и правомѣрнаго. Поэтому оно называется освобожденнымъ мѣстомъ, „свободой“. Эта „свобода“ охраняетъ отъ насилія, даже правомѣрнаго, слѣдовательно и отъ насилія верховной власти. Обѣ эти нормы — карающая совершенное въ городской чертѣ преступленіе тяжелѣе обыкновеннаго и защищающая отъ послѣдствій совершеннаго внѣ городской черты преступленія противъ власти, дѣйствующей за предѣлами освобожденнаго мѣста — стоятъ между собою въ неразрывной связи. Основа этихъ нормъ лежитъ въ правовомъ представленіи сѣдой древности, которая и уголовное преслѣдованіе и принужденіе выполнить обязательство могла понимать только въ формѣ насильственнаго поступка, — мести, самовольнаго личнаго задержанія. Изъ мести возникло наказаніе верховною властью, изъ самовольнаго личнаго задержанія — задержаніе властью. Убѣжище не признаетъ разницы между самовольнымъ насильственнымъ дѣйствіемъ и и приведеніемъ въ исполненіе приговора власти. Въ предѣлахъ пользующагося миромъ мѣста не должно быть ни того, ни другого. Признается только одно исключеніе для кары за поступки, совершенные въ предѣлахъ мѣста, пользующагося миромъ.

Королевскій бургъ пользуется миромъ, значитъ пользуется „свободой“. Городъ (рыночная площадь) — королевскій бургъ; значитъ городской миръ тождественъ съ городской свободой (рыночный миръ

съ рыночной свободой). Кресть мира (Weichbild)—кресть свободы. Городъ — убѣжище. Право убѣжища—общее право Weichbild'a. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что право убѣжища — общее право рынка. Всякій участникъ рынка пользуется свободой, безнаказанностью, если только онъ не совершилъ преступленія въ рыночной чертѣ.

Городская свобода возникла изъ рыночной свободы; поэтому городъ одинаково охраняетъ чело-вѣка, совершившаго преступленіе за городской чертой. Обиженная сторона должна ждать, пока преступникъ не окажется внѣ предѣловъ города. Въ городѣ претензія можетъ быть предъявлена только черезъ посредство городского суда, въ той мѣрѣ, въ какой позволяетъ это функционирующее городское право (рыночное право—право убѣжища), если только оно не признаетъ полномочій другого какого-нибудь суда. Претензіи же противъ бюргеровъ могутъ быть разбираемы только городскимъ судомъ.

Каждое убѣжище имѣетъ своего господина, собственника мѣста убѣжища; черезъ него долженъ предъявляться всякій искъ.

Мѣсто рыночной торговли — „свободное мѣсто“. У него есть особый рыночный судъ, продолжающийся пока длится рынокъ, находящийся въ вѣдѣннн рыночнаго судьи и участниковъ рынка.

Городъ — постоянный рынокъ, постоянное „свободное“ мѣсто. У него есть особый городской судъ, находящийся въ вѣдѣннн городского судьи и бюргеровъ. Бюргеръ подсуденъ только городскому суду и свободенъ отъ земскаго.

Кто же тутъ судья и кто засѣдатель? Королевскія имѣнія пользуются иммунитетомъ, но они не находятся внѣ сферы дѣйствія государственнаго суда, въ то время, какъ домъ короля отъ него совершенно свободенъ.

Рынокъ тоже иммунитетъ. Но какого рода? Ясно, что иммунитетъ города, королевскаго бурга—болѣе дѣйствительный иммунитетъ королевскаго дома. Городская область въ силу публичнаго права (согласно праву убѣжища, рыночному и городскому) изъята изъ вѣдѣнія земскаго суда. Городской судъ существуетъ только для городскихъ отношеній. Онъ — государственный (öffentliches) судъ. А такъ какъ городъ — королевскій бургъ, то и судья въ немъ — староста, — центенаръ франкскихъ государственныхъ учрежденій.

Засѣдателями въ рыночномъ судѣ были участники рынка; въ постоянномъ рыночномъ, городскомъ судѣ засѣдателями должны быть тѣ, которые имѣютъ земельную собственность въ Weichbild'ѣ, тѣ, которые непосредственно отъ господина рынка приобрѣли часть рыночной площади, бюргеры. Знакомъ ихъ собственности въ Weichebild'ѣ служить подать, которую они платятъ господину рынка. Эта собственность свободна отъ сеньера, несетъ извѣстныя повинности только по отношенію къ городу, можетъ быть завѣщаема и отчуждаема по желанію. Городской ленъ кореннымъ образомъ отличается отъ сеньеральнаго. Городской ленъ — ленъ колонистовъ. Городъ возникаетъ въ большинствѣ случаевъ путемъ закладки, путемъ водворенія постояннаго рынка, который только теперь долженъ быть населенъ купцами (бюргерами). Точно такъ же и тогда, когда на мѣстѣ рынка есть уже поселеніе. Рядомъ со старымъ должно возникнуть рыночное поселеніе, городъ купцовъ. Этому новому поселенію служить городской ленъ. Такъ какъ это ленъ колонистовъ, то онъ долженъ быть леномъ на льготныхъ условіяхъ. Поэтому, какъ уже замѣтилъ Шредеръ, городской ленъ въ области колонизаціи долженъ быть равенъ лену на лѣсѣ, болото, боръ, — словомъ, лену, который служитъ обработкѣ и новозаселенію. Онъ обязываетъ только къ

оброчной повинности господину и не ведетъ за собой сеньеральной личной зависимости. Онъ не признаетъ права согласія сеньера на отчужденіе, не знаетъ ограниченій наслѣдственнаго права, особенно не знаетъ *Vuteil*, т.-е. право сеньера удерживать часть наслѣдуемой движимости. Право колонистовъ не можетъ быть сеньеральнымъ правомъ.

Все сказанное касается только взятаго въ ленъ непосредственно отъ господина рынка внутри области *Weichbild*'а земельного участка. А господинъ рынка тотъ, кто колонизуетъ рынокъ. Ленъ отъ господина рынка,—ленъ по праву колонистовъ, рыночному праву, праву *Weichbild*'а. Иногда онъ давался безъ обязательства платить оброкъ. Но даже тогда, когда (какъ обыкновенно) былъ обусловленъ оброкъ, право держателя лена все-таки есть собственность. Это свободное, передавшееся по наслѣдству, отчуждаемое, не обремененное феодальными повинностями право. Оброкъ тутъ носить характеръ простой реальной повинности. Ленъ по сеньеральному праву дѣлаетъ зависимымъ (*hörig*), ленъ по праву *Weichbild*'а—нѣтъ. Ленъ по сеньеральному праву порождаетъ помѣщичьи отношенія, ленъ по *Weichbild*'у—только оброчныя.

Только такая собственность даетъ право быть бюргеромъ; кто держитъ ленъ отъ сеньера, тотъ не бюргеръ ¹⁾. Такимъ образомъ одни только купцы, владѣющіе земельной собственностью, могли составлять коллегію судебныхъ засѣдателей (*Geschworene, Schöffen*). Городской судъ, какъ рыночный судъ уполномоченъ только для рыночныхъ дѣлъ.

Въ франкскую эпоху при временномъ рыночномъ судѣ уголовныя дѣла были изъяты изъ его вѣдомства; рыночное судопроизводство было низшимъ судопроизводствомъ.

¹⁾ Таково было положеніе большинства ремесленниковъ; только поднѣе они получили бюргерскія права.

Первоначально то же было и въ городахъ: полномочія суда были крайне ограничены; они распространялись почти исключительно на дѣла о торговлѣ съѣстными припасами.

Купцамъ принадлежала регулировка мѣры и вѣса (*pondus et mensuram equam faciant*) и наблюдение за неправильной куплей и продажей (*venditione et emptione iniusta*), и это все производилось судебнымъ путемъ. На такой дѣятельности и сосредоточивались судебныя полномочія первое время.

Позднѣе городскому суду сдѣлались подсудны дѣла о земельной собственности и отчасти даже уголовныя, хотя вообще послѣднія оставались внѣ его вѣдѣнія и были подсудны земскому суду.

Особому городскому суду соотвѣтствуетъ особое городское право. Его значеніе выясняется въ трехъ пунктахъ. Во-первыхъ, въ развитіи уголовнаго права *Weichbild'a*, стоящаго въ связи съ идеей городского мира, во-вторыхъ, въ устраненіи различій въ происхожденіи горожанъ и, наконецъ, въ возникновеніи права торговыхъ отношеній.

О первомъ въ своемъ мѣстѣ сказано подробно. Остановимся на второмъ и третьемъ.

Право убѣжища не знаетъ различій въ происхожденіи: оно защищаетъ всякаго; право рынка тоже. По рыночному праву даже крѣпостной можетъ являться на рыночный судъ. Онъ для него и правоспособенъ и судоспособенъ. Городское право возникло изъ права рынка. Но здѣсь выступаетъ еще одно важное обстоятельство. По городскому праву—право свободныхъ дѣйствительно и для несвободныхъ, лишь бы они имѣли собственность въ городской чертѣ. Городское право не признаетъ несвободныхъ; оно имѣетъ въ виду купца, а не клеймо рожденія; оно является, въ противоположность земскому праву, носителемъ интересовъ оборотнаго капитала. Для рынка и для купца совершенно безразлично, кто представляетъ

ему деньги или товаръ. Въ городѣ впервые исчезла разница между свободнымъ и несвободнымъ.

Но въ городѣ, помимо городского права, существовало еще земское право, сенеральное право и министеріальное право (*Dienstrecht*) и были люди, подчиненные нормамъ этихъ правъ. Для послѣднихъ была возможность принимать участіе въ городскомъ рынкѣ и поэтому они считались купцами и бюргерами, оставаясь крѣпостными и министеріалами. Но городское право было главнымъ. Крѣпостной, который прожилъ въ сферѣ дѣствія городского права годъ съ днемъ считался свободнымъ. *Die Luft macht frei*. Онъ получаетъ свободу подъ покровительствомъ короля.

Перейдемъ къ другому принципу городского права—возникновенію городского торговаго права.

Городъ—домъ короля; король одинъ имѣетъ право вести тамъ торговлю или передать свое право другому—господину рынка (*Markherr*). Это право находить выраженія въ извѣстныхъ повинностяхъ.

Участники рынка, во-первыхъ, должны были платить рыночныя таможенныя пошлины (*Marktzoll*) и кромѣ нихъ еще цѣлый рядъ пошлинъ: *Ohmpfenning* съ вина, *Steinpfenning* съ соли, *Bannpfenning* и пр. Эти повинности выражали идею собственности короля (*Markherr'a*) надъ рынкомъ, надъ городомъ, его банальное право (*Bannrecht*).

Ясное дѣло, что въ интересахъ банальнаго права короля было оживленіе торговля. Къ этой цѣли клонилось созданіе королевской властью купеческихъ гильдій.

Свобода ассоціацій (*Vereinsfreiheit*)—въ духѣ нѣмецкаго права. Господствуетъ полная свобода образованія братствъ, гильдій и т. п. Но для того, чтобы ассоціація получила государственныя права, необходимо, чтобы она была учреждена государственной властью. Тогда она имѣла право исклю-

чительнаго занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ. Учрежденная такимъ образомъ ассоціація имѣла участіе въ банальномъ рыночномъ правѣ принадлежащемъ господину рынка (королю). Она одна могла привозить на рынокъ свои товары и могла принудить всякаго, кто хотѣлъ заниматься тѣмъ же ремесломъ, вступать въ гильдіи.

Первымъ шагомъ на пути развитія этой тенденціи было учрежденіе купеческихъ гильдій. За ними слѣдовали ремесленные ассоціаціи. Зависимость отъ цеха, все ремесленное право среднихъ вѣковъ ведетъ свое происхожденіе не отъ сенъеральнаго права, а отъ нѣмецкаго государственнаго права, отъ права Weichbild'a, отъ отношенія короля къ рынку и городу.

Отсюда же ведутъ свое начало и созданія средне-вѣковаго частнаго права, особенно наслѣдственнаго и семейственнаго.

Указавъ затѣмъ на то, что къ городу имѣли отношеніе еще земскій судъ и крестьянская община, Зомъ рѣшительно утверждаетъ, что наиболѣе сильной частью была рыночная община.

Послѣдній вопросъ, который разрѣшаетъ Зомъ, — вопросъ о возникновеніи городского совѣта.

Онъ возникъ изъ учрежденій рынка. Единственный органъ, который принадлежитъ праву рынка, какъ таковому, — рыночный судъ. Совѣтъ возникъ изъ рыночнаго (городского) суда. Рыночная община имѣетъ во главѣ у себя рыночнаго судью, старосту. При развитіи городскихъ отношеній ему стало невозможно одному исправлять свои обязанности, и явились помощники ему, явился совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы старостѣ спрашивать всѣхъ бюргеровъ, была учреждена коллегія постоянныхъ засѣдателей при судѣ. Они вѣдали дѣла рыночной торговли и представляли первую судебную коллегію, носящую въ себѣ духъ современной организаціи суда. Отъ шеффеновъ они отличаются тѣмъ

что ихъ организація монархическая, а у городского совѣта коллегіальная.

„Городское право возникло изъ рыночнаго, рыночное изъ бургскаго (изъ права королевскаго бурга), а бургское соприкасается съ древнимъ правомъ „свободнаго“ мѣста. Изъ отношеній и воззрѣній первобытнаго варварскаго времени, которое считало необходимымъ оградить отъ неправильной формы наказанія (месть) такимъ же неправильнымъ препятствіемъ приведенію его въ исполненіе (убѣжище),—выросли нѣмецкія городскія отношенія, которыя представляютъ колыбель (die Wiege) нашего современнаго устройства. Силою же, приведшей къ завершенію и къ побѣдѣ этотъ процессъ, была нѣмецкая королевская власть“...

Такова сущность воззрѣній Зома. Изъ неполнаго очерка мы могли убѣдиться, что всѣ общія соображенія, высказанныя нами раньше, находятъ себѣ оправданіе. Зомъ отправляется отъ мнѣній Шредера и Шульте, не попытавшись провѣрить, не стоятъ ли они въ противорѣчій съ данными источниковъ. Увлечшись теоріей рынка, онъ привлекаетъ данныя другихъ рубрикъ къ обоснованію этой теоріи. Естественно, въ результатѣ получаются натяжки, а иногда и противорѣчія. Зомъ прекрасно знаетъ, что для полнаго пониманія городскихъ отношеній необходимо одновременное изслѣдованіе какъ юридическихъ, такъ и хозяйственныхъ данныхъ. Между тѣмъ юридическій принципъ, изслѣдованіе юридической стороны—положительно поглощаетъ у него все остальное. Въ его методѣ господствующую роль играютъ опредѣленія, которыя по самой природѣ исторической науки не могутъ имѣть для нея большого значенія. Зомъ ими злоупотребляетъ, и, безъ сомнѣнія, это одна изъ причинъ обилія мало обоснованныхъ выводовъ

въ его книгѣ. А излишняя склонность къ опредѣленіямъ стоитъ въ непосредственной связи съ его основной точкой зрѣнія—юридическимъ догматизмомъ. Этотъ догматизмъ не можетъ дать простора изслѣдованію. Мысль связана категоріями и порою принуждена игнорировать факты, данные въ матеріалахъ. Возьмемъ на выдержку начало главы о городскомъ мирѣ. „Каждый домъ по нѣмецкому праву пользуется миромъ. Особеннымъ миромъ (миромъ бурга) пользуется королевскій домъ“. Вся фраза построена на опредѣленіяхъ, и сколько въ ней неяснаго! Почему королевскій домъ пользуется особеннымъ миромъ, миромъ бурга? Вѣдь королевскій домъ—вовсе не бургъ. А между тѣмъ Зомъ считаетъ всѣ подобныя положенія доказанными, и на нихъ строить новыя, часто тоже помощью опредѣленій. Поэтому къ обычнымъ ошибкамъ, происходящимъ отъ догматизма присоединяется еще ошибка отъ *petitio principii*.

Тотъ же догматизмъ ведетъ еще и къ извѣстной неполнотѣ. Напримѣръ, ему надо было изложить содержаніе городского права съ точки зрѣнія своей теоріи, и онъ ограничивается указаніемъ только трехъ его сторонъ. Между тѣмъ намъ прекрасно извѣстно, что городское право даже той ранней эпохи, которую имѣетъ въ виду Зомъ, было очень разработано и разработано главнымъ образомъ въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя Зомъ совершенно игнорируетъ—въ семейственномъ и наследственномъ правѣ¹⁾. Дѣло просто въ томъ, что нормы семейственнаго и наследственнаго права не только не подтвердили бы теорію Зома, но въ значительной степени послужили бы къ ея подрыву. А юридическій методъ, односторонне примѣненный, не счи-

¹⁾ Wauters, *Libertés Communales*. 284 слѣд. Для Зома „само собой разумѣется“, что рыночныя отношенія сильно вліяли на эти двѣ сферы частнаго права.

таетъ обязательнымъ для себя привлеченіе къ дѣлу *всѣхъ* извѣстныхъ фактовъ, а предпочитаетъ выбирать только наиболѣе подходящіе.

Послѣ такихъ соображеній естественно возникаетъ вопросъ: неужели всѣ ученія школы теории рыночнаго права должны пройти безъ слѣда въ наукѣ. Это было бы невѣрно. У нея есть заслуга, и эта заслуга заключается въ томъ, что Зомъ съ единомышленниками снова и съ особенной силой подчеркнули значеніе для возникновенія города идеи особеннаго мира. Мысль правда не новая, ее уже сильно обосновалъ Мауреръ ¹⁾, но Зому принадлежитъ несомнѣнная заслуга ея новаго подтвержденія. Изъ другихъ выводовъ Зома отмѣтимъ его мастерскую характеристику юридическихъ отношеній по землѣ, составляющую опять таки развитіе идеи Маурера ²⁾ и нашедшую подтвержденіе у Кейтгена.

Остальныя заключенія Зома по большей части должны быть оставлены.

Его изслѣдованіе дало красивую схему, на первый взглядъ заманчивую, но не выдерживающую серьезной критики, основанной на данныхъ историческихъ источниковъ.

Это какъ нельзя болѣе ясно и убѣдительно доказалъ Беловъ въ своей второй брошюрѣ—*Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung*.

III.

Эта книжка представляетъ собою самостоятельное цѣлое. Беловъ повторяетъ въ ней тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ своемъ *Entstehung der deutschen Stadtgemeinde*, подкрѣпивъ ихъ данными вновь открытыхъ матеріаловъ и попутно

1) *Stadtverfassung* I. 359—361.

2) *Stadtverfassung* I. 379—437.

опровергая положенія Зома и его единомышленниковъ.

Она открывается чрезвычайно важнымъ методологическимъ замѣчаніемъ. „Въ изслѣдованіяхъ о началѣ какого-нибудь учрежденія, говоритъ онъ, слѣдуетъ различать вопросъ о мотивѣ, вызвавшемъ перемѣну въ учрежденіи, и вопросъ о первоначальномъ институтѣ, въ которомъ происходитъ нововведеніе, изъ котораго возникаетъ новый институтъ“. Первый вопросъ требуетъ отвѣта съ точки зрѣнія общей исторіи и этотъ отвѣтъ можетъ быть данъ только при знакомствѣ съ политическими, экономическими, духовными, религіозными отношеніями эпохи. Отвѣтъ на второй вопросъ принадлежитъ къ сферѣ вѣдѣнія историковъ учреждений. Этихъ двухъ точекъ зрѣнія смѣшивать нельзя, и поэтому является совершенно нелогичнымъ, когда на вопросъ о происхожденіи городского устройства отвѣтять: оно возникло изъ развитія торговли и ремеслъ. Изъ этого возникли городскія отношенія (Städtewesen). А городское устройство (Stadtverfassung) могло возникнуть только изъ другого устройства, если только оно не было совершенно ново. При этомъ вовсе не слѣдуетъ думать, чтобы одно учрежденіе возникало изъ другого съ необходимостью: изъ сана римскаго епископа папство не *должно* было возникнуть; необходимость здѣсь коренится въ общихъ отношеніяхъ и идеяхъ эпохи.

У приверженцевъ теоріи Marktrecht'a подобное смѣшиваніе двухъ точекъ зрѣнія—нерѣдкое явленіе.

Въ первыхъ параграфахъ своей новой работы Беловъ высказываетъ нѣсколько обще-историческихъ замѣчаній.

Конечно рынокъ составлялъ одну изъ существенныхъ частей средневѣковаго городского устрой-

ства и, конечно, право рынка, тоже не осталось безъ вліянія на него. Но здѣсь можетъ быть рѣчь только о части, рыночное право вовсе не составляло *всего* городского устройства. Множество мѣстечекъ, имѣющихъ рынки, не были городами въ правовомъ смыслѣ.

Современный городъ можетъ прекрасно обойтись безъ рынка, для средневѣкового это было невозможно отчасти благодаря неудовлетворительности путей сообщенія, отчасти оттого, что условія хозяйственной жизни среднихъ вѣковъ требовали сосредоточенія торговли на рыночной площади.

Это совершенно понятно, но уже совершенно непонятно, отождествленіе городского права съ правомъ рынка (*ius fori*, *ius forence* съ *ius civitatis*, *ius civile*). Такое отождествленіе можно понимать развѣ только, какъ синекдоху, какъ *pars pro toto*. Не слѣдуетъ, по мнѣнію Белова, переоцѣнивать даже хозяйственнаго значенія рынковъ. Въ тѣхъ мѣстечкахъ съ рынками, которыя выросли въ города, рѣшающимъ факторомъ является не привилегированный рынокъ, а торговый оборотъ, опредѣленная промышленная отрасль, земельныя сокровища, общія географическія отношенія. Самые рынки были скорѣе вредны, чѣмъ полезны городамъ. Процвѣтаніе города зависитъ отъ того, чтобы мѣстные промышленники имѣли больше возможности сбыть свои продукты. Между тѣмъ рынокъ одинаково радушно принимаетъ и своего и чужого. Такимъ образомъ мы не безъ основанія могли бы заключить, что рынки препятствуютъ развитію городовъ, поскольку они наносятъ ущербъ интересамъ мѣстныхъ купцовъ и мѣстныхъ ремесленниковъ.

Возведеніе городскихъ стѣнъ точно также нашло неправильную историческую оцѣнку у представителей теоріи *Marktrecht*'а. Обычай окружать городъ стѣной—первоначальный и вовсе не возникъ изъ

права рынка. Прежде чѣмъ получить названіе Stadt городъ назывался Burg, т.-е. укрѣпленнымъ мѣстомъ ¹⁾.

Теперь намъ придется, слѣдуя порядку изложенія Белова, только отмѣчать тѣ мѣста, гдѣ онъ полемизируетъ съ Зомомъ. Конечно, при этомъ не можетъ получиться большой связности, потому что отрывки будутъ вырваны изъ общаго теченія изслѣдованія; но собственныя воззрѣнія Белова намъ уже извѣстны.

Зомъ видитъ начало города не въ общинѣ, а въ судѣ; даже въ позднѣйшія времена, по его мнѣнію, городъ не былъ общиной. На совѣтъ онъ смотритъ не какъ на коммунальный органъ, а какъ на судебную коллегію. Впрочемъ, приверженцу теоріи Marktrecht'a нельзя держаться другихъ воззрѣній.

Городъ, по Зому ²⁾,—рыночная площадь, область, въ которой дѣйствуетъ право рынка, мирная или свободная округа города, Weichbild, сфера полномочій городского суда.

Въ такихъ воззрѣніяхъ правда перепутана съ ложнымъ. Дѣйствительно, въ городахъ существовали „мирныя“ округа, границы которой не совпадали съ границами общины. По медебахскому городскому праву, напр., преступленіе, совершенное въ городскихъ стѣнахъ, каралось тяжелѣе, чѣмъ совершенное внѣ ихъ. Но эта округа не совпадала съ областью полномочій городского суда. Миръ дѣйствовалъ только внутри города, между тѣмъ судъ имѣлъ полномочія и внѣ его. Для пониманія этого нужно только различать два значенія Weichbild'a;

1) Этотъ фактъ, конечно, еще ничего не говоритъ въ пользу военнаго происхожденія города.

2) Размѣры работы не позволяютъ намъ подробно останавливаться на возраженіяхъ Белова. Мы отмѣчаемъ главнѣйшія.

въ одномъ смыслѣ Weichbild ограниченъ городской стѣной въ другомъ совпадаетъ съ границами городского судебного округа. Соответственно этому, два „мирныхъ“ округа: одинъ — городъ, другой — городской судебный округъ.

Зомъ не знаетъ различія между Weichbild'омъ въ обширномъ и въ узкомъ смыслѣ. Его мнѣніе опирается на мнѣніе Шульте о томъ, что кресты, находимые вокругъ нѣкоторыхъ городовъ, — рыночные знаки. Но это мнѣніе невѣрно. Кресты, играющіе такую большую роль у Зома, не больше, какъ пограничные знаки. Они стоятъ тамъ, гдѣ кончается общинная земля. Ихъ называютъ „крестами мира“. Для рыночнаго мира они не имѣютъ никакого значенія; они стоятъ очень далеко отъ рынка.

Итакъ, аргументы въ пользу различія границъ городской общины и городского суда, подкрѣпляемые разсужденіями о мирѣ, крестахъ и Weichbild'ѣ — чрезвычайно шатки. Никакого особаго городского округа не возникало изъ судебного округа. Поэтому городской судъ не могъ быть, какъ то думаетъ Зомъ, первичнымъ учрежденіемъ.

Такъ же мало выдерживаютъ критику взгляды Зома на составъ бюргерскаго населенія. По его мнѣнію, ремесленники не были бюргерами, ихъ право было не городское право, а сеньеральное, ихъ судъ не городской, а сеньеральный. Это невѣрно. Сеньеральному суду въ городѣ подчинены только тѣ, кто былъ подчиненъ ему въ ту эпоху, когда городъ былъ еще крестьянской общиной. Ремесленникъ, который сидѣлъ на своемъ участкѣ, не былъ отъ него зависимъ, потому что каждый бюргеръ, получившій формально бюргерство, былъ подсуденъ городскому суду.

Его воззрѣніе стоитъ въ связи съ толкованіемъ слова mercator, которое Зомъ вмѣстѣ съ Шульте пытается истолковать, какъ „ремесленникъ“ (eigentliche Handwerker); между тѣмъ, цѣлый рядъ на-

блюденій надъ словоупотребленіемъ современныхъ эпохъ документовъ даетъ право считать слово mercator однозначущимъ съ словомъ горожанинъ, хотя, конечно, первымъ значеніемъ его остается— „купецъ“.

Зомъ и Шульте думаютъ, что купцы, владѣющіе земельной собственностью, были бюргерами, и только они, потому что другихъ собственниковъ не было. Такое представленіе опять - таки невѣрно. Цѣлымъ рядомъ цитатъ Беловъ съ очевидностью доказываетъ, что ремесленники и собственностью владѣли и бюргерами были. Въ XII вѣкѣ, напримеръ, было очень немного купеческихъ гильдій и масса ремесленныхъ цеховъ. Было бы странно, если бы стремленіе къ ассоціаціямъ возникло преимущественно не у бюргеровъ. Купцы не могли имѣть преобладаніе, потому что хозяйственный принципъ среднихъ вѣковъ далеко не былъ благопріятенъ для торговли. Онъ стѣснялъ ее посредствомъ цеховъ, путемъ ограниченія перепродажи (Fürkauf) и т. д. Купцы вовсе не такъ многочисленны, чтобы быть бюргерами исключительно. Зомъ говоритъ, что если бы ремесленники были бюргерами въ то время, то позднѣйшая борьба цеховъ противъ патриціата была бы необъяснима. Этотъ аргументъ тогда только имѣлъ бы значеніе, если бы кругъ гражданъ и патриціевъ былъ бы тождественъ. Между тѣмъ, ясно, что аристократы составляютъ группу уже въ средѣ самаго бюргерства, и борьба легко объясняется.

Зомъ полагаетъ, что регулировка мѣры и вѣса— результатъ права рынка. Между тѣмъ этотъ институтъ старше города, потому что существовалъ еще при Карлѣ Великомъ. Онъ также старше рынка, онъ былъ необходимъ не только тамъ, гдѣ существовалъ рынокъ.

Теперь обратимся къ одному изъ наиболее существенныхъ взглядовъ Зома, къ его воззрѣніямъ

на городской судъ. Уже раньше было замѣчено, что въ своей старой работѣ о франкскихъ учрежденіяхъ онъ придерживался того взгляда, что городскія учрежденія — корпоративныя. Въ Städtewesen онъ радикально измѣняетъ свой взглядъ. Онъ считаетъ городскіе суды государственными; въ числѣ ихъ и судъ городского совѣта, который онъ объявляетъ рыночнымъ судомъ. О послѣднемъ, конечно, не можетъ быть рѣчи: судоговореніе могло оказаться необходимымъ и не въ рыночные дни. Мысль же о государственномъ характерѣ городского суда вызываетъ слѣдующія возраженія:

Компетенція суда городского совѣта ограничена; это не судъ въ собственномъ смыслѣ слова; въ противоположность государственнымъ судамъ, онъ имѣетъ значеніе лишь третейскаго мирового суда, только при неудачѣ котораго вступалъ въ дѣло настоящій судъ. Судъ совѣта былъ облеченъ лишь небольшой полицейской судебной властью. Этого не было бы, если бы онъ былъ государственнымъ судомъ. Затѣмъ надо замѣтить, что изъ поступающихъ въ судъ совѣта штрафныхъ суммъ, часть, а иногда и вся сумма, переходила къ общинѣ. Въ государственномъ судѣ это было наоборотъ.

Городской судъ, по Зому, возникъ изъ рыночнаго суда. Вначалѣ былъ особый рыночный судъ на время продолженія рынка; ему были подсудны только участники рынка. У купцовъ былъ, значить, судъ по дѣламъ рынка.

Никакого особаго рыночнаго суда не было. Это во-первыхъ. Что же касается до возрѣнія, что этому суду были подсудны только участники рынка, то оно коренится въ неправильномъ истолкованіи одной грамоты, гдѣ говорится о томъ, что городской судья помимо бюргеровъ судилъ крѣпостныхъ духовныхъ сеньеровъ, если они принимали участіе въ торговлѣ, судилъ по торговымъ дѣламъ. Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о крестьянахъ, которые при-

носили на рынокъ сельскіе продукты. Грамоты, напротивъ, говорятъ, что судья судить всѣхъ гражданъ *in omnes cives urbis* безъ различія званія. Что же касается того, что судъ вѣдалъ только дѣла, имѣющія отношенія къ рынку, то и это мало вѣроятно. Развѣ тяжбы о фальшивыхъ товарахъ, побояхъ и т. п. могли случаться только въ рыночные дни? Наконецъ, рыночнымъ судомъ, какъ признаетъ и Зомъ, завѣдывалъ центенаръ, т.-е. обычный судья. А если „источники“ употребляютъ иногда выраженія *Marktgericht*, то оно, какъ и аналогичное *Marktrecht* вмѣсто *Stadtrecht* указываетъ на извѣстное словоупотребленіе, не больше.

Далѣе, Беловъ переходитъ къ возрѣніямъ Зома на городское право съ его тремя принципами (см. выше) и пытается доказать ихъ несостоятельность. Мы приведемъ его аргументы, въ догматической формѣ.

I. Медебахская привилегія наказываетъ уголовнымъ порядкомъ совершившаго преступленіе въ городской чертѣ и денежнымъ взысканіемъ совершившаго то же преступленіе въ чертѣ остального *Weichbild'a*. Это положеніе, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ положеніями земскаго мира, берущаго поселенія подъ особую защиту и наказывающаго уголовнымъ порядкомъ совершившихъ тамъ преступленіе. Зомъ не отмѣчаетъ этой связи.

Уголовныя взысканія введены были въ городахъ для нарушившихъ миръ дракой. По Зому это значитъ—кара нарушившему рыночный миръ. Но драка могла случиться и не въ рыночный день. Наоборотъ совершенно ясна связь этого положенія съ нормами положеній о земскомъ мирѣ.

Не такъ ясно происхожденіе права убѣжища. По Зому это—общее право рынка, возникшее изъ особенной свободы, господствующей въ привилегированные рыночные дни. Но объясненіе это шатко, потому что свобода рыночныхъ дней не восходитъ

къ праву убѣжища и возникла позднѣе, а также и потому, что то и другое—вещи разныя.

II. Одно изъ извѣстнѣйшихъ положеній средне-вѣкового городского права гласитъ: *Stadtluft macht frei*. Положеніе это возникло вовсе не изъ рыночнаго права и не изъ права убѣжища, какъ то думаетъ Зомъ. Изъ послѣдняго оно не могло возникнуть потому что оно (пр. убѣж.) существовало не во всѣхъ городахъ.

Мнѣніе Зома о значеніи городского права убѣжища можно принять, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣетъ обосновать положеніе, что переселившіеся въ городъ несвободные элементы могли прибѣгать къ городскому суду.

III. Торговое право въ городѣ возникло главнымъ образомъ благодаря вліянію земскаго права, а не рыночнаго.

Аргументація Белова, какъ онъ выражаетъ надежду, должна убѣдить, что теорія *Marktrecht*'а не представляетъ отвѣта на вопросы о происхожденіи городского устройства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Беловъ признаетъ, что воззрѣніе лежащее въ основѣ этой теоріи, воззрѣніе на дѣятельность средне-вѣкового королевства въ области социальныхъ и хозяйственныхъ отношеній заслуживаетъ полнаго вниманія, и въ этомъ отношеніи книжка Зома сохранить свое значеніе.

Есть еще одно возраженіе противъ теоріи Зома, принадлежащее бельгійскому ученому Пиренну (*Below. Ursprung*, 127). Возраженіе это очень важное: оно заключается въ томъ, что королевская власть вовсе не играла такой большой роли въ возникновеніи городовъ, какую ей хочетъ приписать Зомъ.

Такимъ образомъ всѣ наиболѣе существенныя положенія теоріи Зома значительно ослаблены ¹⁾. Насколько намъ извѣстно, почтенный ученый не возражалъ больше своимъ многочисленнымъ оппонентамъ. Поэтому заманчивая по своей красивой схемѣ гипотеза представителей этой школы въ главномъ должна быть оставлена.

¹⁾ Правда, возраженія Белова не всегда могутъ быть приняты безъ оговорокъ. Такъ, его аргументація по поводу государственнаго суда нуждается въ существенныхъ поправкахъ. Ср. ниже въ главѣ о Кейтгенѣ, который не сходясь совершенно съ Зомомъ, даетъ болѣе удачную постановку вопросу о влияніи на городскія учрежденія государственнаго суда.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Флакъ.

I.

Чтобы понять мѣсто Флака въ исторіи вопроса о происхожденіи городской общины, надо, какъ это мы сдѣлали при изложеніи взглядовъ Белова привести въ связь его теорію съ нѣкоторыми другими. Тутъ намъ придется обратить вниманіе на приверженцевъ римской традиціи, отъ критики которой онъ непосредственно исходитъ.

Главнымъ ея представителемъ былъ Савиньи, взгляды котораго были приняты цѣлымъ рядомъ другихъ ученыхъ. Точка зрѣнія романистовъ такова: городскія учрежденія X, XI и XII вв. не результатъ дѣйствія силъ, современныхъ ихъ возникновенію, а лишь болѣе поздняя форма въ развитіи римскихъ муниципальных учрежденій. Это видно по той значительной аналогіи, которую можно наблюдать между муниципальными отношеніями и административными началами въ тѣхъ и въ другихъ и по той неискоренимой тенденціи средневѣковыхъ городскихъ общинъ воскрешать у себя римскія традиціи и возвращаться къ нормамъ римскаго частнаго права, которая съ полной очевидностью появляется у нихъ.

Флакъ не рѣшается окончательно отрицать значенія римскаго вліянія, и мы увидимъ, что въ отношеніяхъ соціального характера, онъ признаетъ ихъ вполнѣ. Но онъ рѣшительно отказывается при-

знать связь будто бы существующую между муниципальными учреждениями римских городов и средневековых общинъ. Такое представление, по его словамъ—„чистый миражъ, который разсѣивается, какъ только мы обратимъ вниманіе на крайнюю рѣдкость документовъ, на то, какъ мало они заслуживаютъ вѣры, на чисто внѣшній, совершенно искусственный характеръ терминологіи, на отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ существованія администраціи, имѣющей хотя бы отдаленное сходство съ муниципальными учреждениями Восточной Имперіи“. Большая ошибка—заключать отъ словъ *curia*, *curiales*, *senatus*, *senatores*, къ преемственности режима. „Сохранилась лишь оболочка, но въ ней нѣтъ ея первоначальнаго содержанія: она наполнена другимъ“. *Municipia* означаетъ укрѣпленный замокъ (*chateau-fort*); *municipes*—дружины, защищающія его; *curiales*—свита и офицеры сенъеральнаго двора; *curia*—дворъ сенъера; *senatores*—дворяне или свободные люди; *consulatus*—графство; *consul*—графъ или сенъеръ; *proconsul*—виконтъ; *praetor*—прево; *quaestores*—офицеры сенъера.

Развѣ можно указать какую-нибудь аналогію между средневековыми мѣстными вольностями и городской администраціей—и муниципальными учреждениями IV и V вв., когда всякая власть исходила изъ императорской? Въ чемъ заключалась муниципальная жизнь того времени? На верху императорскіе чиновники, сенаторы, свободные отъ налоговъ; внизу плебеи, сгруппированные въ корпораціи, что единственно позволяетъ имъ вести сносное существованіе ¹⁾; въ серединѣ—магистраты и

¹⁾ Едва ли можно съ этимъ согласиться. Положеніе плебей, прикрѣпленныхъ къ корпораціямъ было крайне тяжелое. Объ этомъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ соответствующія статьи Феодосіева кодекса.

куріалы, которые не болѣе какъ тяжелѣе обложенные контрибуэнты, единственный смыслъ существованія которыхъ—выгода фиска. Администрація въ рукахъ чиновниковъ. При этомъ это администрація не собственнаго города, а цѣлаго округа, *civitas*, въ которомъ городъ только главный пунктъ.

Конечно, при такомъ положеніи вещей, варварское завоеваніе должно было повести за собою полное разложеніе подобнаго общества. Свѣжая струя смутила, перемѣшала гнилое болото и, когда оно нѣсколько отстоялось, выяснилась новая комбинація.

Civitas превращается въ *pagus*. Графъ, начальствующій тамъ—королевскій агентъ, назначаемый и смѣняемый только королемъ. Въ его рукахъ администрація, полиція, судъ, въ отправленіи котораго у него есть товарищи; это взятыя изъ народа рахимбурги, позднѣе скабины. Онъ собираетъ налоги, набираетъ солдатъ, слѣдитъ за барщинными работами. Подъ его начальствомъ дѣйствуютъ викаріи и центенары.

Куріалы исчезли, потому что мытари оказываются лишними; единственная должность, уцѣлѣвшая отъ организаци *civitas*—это *defensor*; но и его функціи часто переходятъ къ графскимъ чиновникамъ. Аристократія римской *civitas* сохранила свое значеніе; изъ нея выходитъ графъ и его единственный соперникъ—епископъ. Плебеи сохранили свои корпораціи и получили новую организацію по приходамъ; они судятъ, сражаются и выбираютъ епископовъ. Но о муниципальныхъ учрежденіяхъ здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Когда послѣ Карла Великаго *pagus* породилъ феодальное графство и начался процессъ дробленія, то графъ опять остался во главѣ и по прежнему вельдѣла при помощи скабиновъ (эшевеновъ) и пр. Плебеи не утратили своей корпораціонной организаци. Но все это опять не муниципальныя учрежденія.

II.

Такимъ образомъ опредѣлена сфера вліянія римской традиціи. Оно существовало, но было вовсе не такъ безусловно и безгранично, какъ представлялъ себѣ Савиньи и вслѣдъ за нимъ его единомышленника. Флакъ и ставитъ себѣ задачей, возможно болѣе полно изслѣдовать преемственную связь между римскимъ городомъ и городомъ среднихъ вѣковъ.

Отмѣтимъ тутъ кстати нѣкоторыя характерныя черты его метода. Сторонники традиціонной точки зрѣнія — романисты и германисты безразлично — выдвигаютъ два критерія, по которымъ они заключаютъ о существованіи той связи между двумя учрежденіями, которую они хотятъ доказать. Это во-первыхъ, сознаніе о существованіи подобной связи у современниковъ, выражающееся въ терминалогіи ¹⁾; во-вторыхъ, извѣстнаго рода аналогія между учрежденіями *en question*; аналогія, выражающаяся въ существованіи однородныхъ органовъ управленія, однородныхъ общественныхъ и культурныхъ отношеній и т. п.

Нельзя отрицать того, что этотъ методъ иногда можетъ привести къ правильному выводу. Но во многихъ случаяхъ онъ является недостаточнымъ. Флакъ это понялъ; поэтому онъ пользуется уже новымъ пріемомъ, очень часто примѣнявшимся при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о возникновеніи *отдѣльнаго* города, но, насколько намъ извѣстно, не употреблявшимся въ общихъ работахъ.

Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что изслѣдователь пытается не оставлять хронологическихъ пробѣловъ въ своемъ слѣдованіи за ростомъ города.

¹⁾ Примѣры см. у Белова, относительно слова *Bauermeister* и др.

Старый—условился называть его такъ, хотя это не совсѣмъ точно—методъ принужденъ оставлять такіе пробѣлы, и, конечно, въ этомъ не послѣдняя причина тѣхъ промаховъ, которые допускали оперировавшіе имъ ученые.

Новый методъ тоже не лишень нѣкотораго неудобства: онъ заставляетъ изслѣдователя разбрасываться. Отъ этого, быть можетъ, происходитъ та неясность, за которую не совсѣмъ напрасно, упрекаетъ Флака Эшли. Но нечего и говорить, что онъ гораздо полнѣе стараго, потому что включаетъ въ себя и его приемы и является единственно возможнымъ для того, кто смотритъ на исторію, какъ на непрерывный процессъ, какъ на эволюцію отношеній жизненныхъ порядковъ. И если Флаку не совсѣмъ удалось заполнить пропасть, отдѣляющую новый міръ отъ древняго—это онъ и самъ признаетъ—то виною въ этомъ ужъ, конечно, не методъ.

Въ самомъ началѣ положительной части своего изслѣдованія Флакъ устанавливаетъ разницу между древними (римскими) городами (*villes antiques*) и городами средневѣковыми (*villes du Moyen-âge*). Первые стоятъ въ связи со старыми римскими, вторые возникли самостоятельно изъ другихъ зародышей.

Было бы большою ошибкой предположить, что города галло-римской эпохи втеченіи среднихъ вѣковъ испытали только медленные и послѣдовательныя преобразованія. Ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ отъ варваровъ или отъ послѣдующихъ феодалныхъ войнъ. Но они не исчезли безъ слѣда. Прежніе обитатели города укрывались въ цитадели старой *civitas*, либо возводили на-спѣхъ новыя укрѣпленія изъ обломковъ стараго города. Первое—*castellum*, *burgus*; второе—*castrum*. Послѣдній былъ устроенъ на манеръ римскаго *castra stativa* и часто включалъ въ себя цитадель. Тутъ же груп-

пировались укрѣпленные церкви и монастыри; все это снабжалось башнями—и *oppidum* былъ готовъ.

Когда войны болѣе или менѣе прекратились, необходимость сидѣть за стѣнами перестала быть столь же сильной, какъ и прежде, и населеніе высыпало наружу. Это существенный пунктъ въ эмбриологій города, потому что съ нимъ связано значительное територіальное расширение города. Вокругъ прежняго укрѣпленнаго мѣста возникли новые бурги, поселенія, внѣшнія бурги (*forbourg*), укрѣпленные либо фактически, либо правомъ иммунитета или убѣжища ближней церкви.

Такимъ образомъ путемъ чисто територіальнаго на первыхъ порахъ расширения изъ римскаго города такъ или иначе возникалъ новый. Территориальному расширенію вскорѣ начинало соответствовать расширение социальное. Вотъ сколько классовъ населенія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Монпелье, городѣ, возникшемъ именно такимъ путемъ: рыцари; клирики; граждане (*burgenses*) въ собственномъ смыслѣ, владѣльцы домовъ въ бургѣ, пользующіеся нѣкоторыми привилегіями; собственники домовъ внѣ бурга; держатели домовъ; обитатели округа. Куда дѣвалось римское административно—социальное дѣленіе!

Точно также дробится и власть въ городахъ и точно также это дробленіе очень отдаляетъ отъ насъ сближеніе средневѣковой городской администраціи съ римской.

Такимъ образомъ римская традиція вліяла на образованіе средневѣковыхъ городовъ. Римскіе города дали ядро, изъ котораго позднѣе развились новые. Этимъ ядромъ была *civitas*. Но, какъ и сказано уже, было бы ошибкой предположить, чтобы за римскимъ вліяніемъ оставалось исключительное значеніе. Далекое не всѣ города можно возводить такъ или иначе къ римской эпохѣ. Остаются „новые города“, или „средневѣковые города“.

Громадная часть ихъ возникла также вокругъ опредѣленнаго ядра: укрѣпленнаго замка или монастыря; нѣкоторые выросли изъ деревень, и лишь незначительная часть была основана въ собственномъ смыслѣ.

Укрѣпленные замки—различнаго происхожденія. Это — преобразованныя римскія *castella* или *villae*, превращенныя въ укрѣпленный пунктъ; другіе возникли въ цѣляхъ защиты въ эпоху нашествій или представляли разбойничье гнѣздо. Постепенно такіе замки сдѣлались центральными пунктами политическихъ и въ то же время доманіальныхъ округовъ — кастеляній (*châtellenie*). Вокругъ нихъ съ теченіемъ времени стали группироваться купцы и ремесленники, рыцари со своими дружинами стали занимать ближайшіе пункты. Часто такіе замки представляли надежное убѣжище бѣглецамъ, хотя принципъ убѣжища былъ вовсе не религіозный. Замковая церковь съ своей стороны становится центромъ прихода. Тутъ хозяйственные интересы господина замка или кастелляна заставляютъ учредить еженедѣльный рынокъ и періодическія ярмарки при замкѣ, что, въ свою очередь, содѣйствуетъ новому притоку населенія.

Такимъ образомъ возникъ цѣлый рядъ городовъ, которые и по сію пору носятъ въ своемъ названіи указаніе на свое происхожденіе (слова *château*, *châtel*, *châtillon*, *ferté*, *roche* и т. д.).

Еще больше городовъ обязано своимъ происхожденіемъ монастырямъ. „Центръ религіозный, центръ доманіальный, центръ торговый и промышленный, онъ почти не уступалъ замку и въ качествѣ военнаго центра“. Многія аббатства были укрѣплены, содержали солдатъ; у другихъ были крѣпостцы.

Но главнымъ факторомъ, свидѣтельствовавшимъ разрастанію монастырей въ города, было религіозное представленіе, на выясненіи котораго намъ слѣдуетъ остановиться повнимательнѣе.

III.

Право убѣжища, о которомъ такъ много говорить Зомъ, не было исключительно свѣтскимъ правомъ. Въ такой же мѣрѣ, если не въ большей, оно было правомъ духовнымъ. Въ совершенномъ согласіи съ міросозерцаніемъ ранняго средневѣковья было то представленіе, что стѣна церкви или монастыря—священная ограда и что какой-нибудь проступокъ, совершенный въ ея чертѣ, карается не только приговоромъ духовной власти на землѣ, но и божественной волей на небѣ. Такое представленіе повело къ созданію очень интереснаго учрежденія. Какъ только духовенство стало сознавать всю общественную важность религіознаго права убѣжища, такъ быстро наполнявшаго тѣсныя монастырскія стѣны, оно прибѣгло къ ловкой фикціи; оно расширило область съ правомъ убѣжища. Но это расширение не было актомъ самоуправства. Церковь позаботилась обставить его необходимыми формальностями, которыя должны были, во-первыхъ, оправдать фактъ расширения передъ Богомъ и главное передъ людьми, а во-вторыхъ, отбить охоту у воинственныхъ сеньеровъ на какія бы то ни было посягательства. Для этого актъ расширения получалъ санкцію какъ духовной, такъ и свѣтской власти. Прелаты округа торжественно водружали пограничные знаки-кресты и предавали анаѣмѣ всякаго, кто рѣшится нарушить тѣмъ или другимъ насильственнымъ актомъ святость мѣста. Съ своей стороны свѣтскіе князья не менѣе торжественно отрекались отъ своихъ правъ на захваченный округъ и грозили по-свѣтскому проучить того, кто осквернитъ черту убѣжища. Такое расширенное убѣжища называлось *salvitas*, *salvaterra*, *sauveté*.

Въ подобныхъ то *sauvetés* и заключалась главная сила, привлекавшая къ монастырямъ народъ и

содѣйствовавшая ихъ колонизаторской миссіи, тѣмъ болѣе, что къ религіозному покровительству присоединялось еще и чисто матеріальное: монахи, не безъ основанія не довѣряя одной божественной защитѣ лицомъ къ лицу съ разбойниками-сеньерами, прибѣгали къ самой естественной защитѣ въ видѣ стѣнъ и солдатъ.

Но *sauvetés* существовали не вездѣ. Большею частью убѣжище ограничивалось монастырскими стѣнами. При всей своей незначительности оно имѣло настолько цѣны, что привлекало многочисленныхъ обитателей. Это видно изъ того, что монастыри ходатайствовали у свѣтской власти о покровительствѣ убѣжищу. Обитатели убѣжища были защищены отъ судебныхъ притѣсненій. Это одинаково относилось и къ поселившимся внѣ ограды, но имѣющимъ возможность при необходимости укрыться за нею. Такое право, — конечно, при условіи свѣтской защиты, — называлось *libertas civitatis*, и ужъ никакая посторонняя власть не могла дѣлать его съ монастырями. Ни одинъ сеньеръ не имѣлъ права располагаться въ чертѣ монастырскихъ владѣній.

Могущество и богатство монастыря находится въ прямой зависимости отъ того положенія, которое занимаетъ его патронъ въ іерархіи святыхъ и отъ чудодѣйственной силы мощей, которыми онъ владѣетъ.

Реликвіи привлекаютъ пилигримовъ, пилигримы — купцовъ. Деньги обращаются, воздвигаются дома, открываются лавки. И чѣмъ ближе монастырь къ остаткамъ римскаго города, доставляющимъ готовый матеріаль, тѣмъ быстрѣе возникаетъ новый городъ. Существованіе рынка слишкомъ выгодно для монастыря, чтобы онъ не покровительствовалъ ему изо всѣхъ силъ. Рынокъ объявляется свободнымъ, водворяется около церкви, участвуетъ въ правѣ убѣжища; учреждаются ярмарки. Рынокъ

и ярмарка обогащают монастырь, вѣсти объ его богатствѣ привлекаютъ купцовъ, ремесленниковъ, артистовъ. Возникаютъ повинности.

Такъ вырастаютъ города изъ монастырей; посмотримъ какъ вырастаютъ они изъ деревень. Ростъ деревни, расположенной въ благоприятныхъ климатическихъ и промышленныхъ условіяхъ, еще не всегда ведетъ за собой ея превращеніе въ городъ. Для этого необходимы еще нѣкоторыя условія. Городъ отличается, по мнѣнію Флака, отъ деревни въ трехъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, отношеніями матеріальной защиты: городъ долженъ имѣть необходимыя укрѣпленія; во-вторыхъ отношеніями религіозной защиты: въ городѣ должна находиться церковь съ подобающимъ количествомъ мощей или что-нибудь въ этомъ родѣ; въ-третьихъ, въ городѣ должна процвѣтать промышленная дѣятельность, долженъ обращаться капиталъ, что обнаруживается черезъ посредство еженедѣльныхъ рынковъ и періодическихъ ярмарокъ. Необходимость присутствія этихъ элементовъ съ достаточной ясностью видна изъ разсмотрѣнія городовъ, возникшихъ вокругъ укрѣпленныхъ замковъ и монастырей. Когда не хватаетъ одного изъ трехъ условій, городъ исчезаетъ или останавливается въ своемъ развитіи (avortement), а затѣмъ приходитъ въ упадокъ.

Впервые деревни стали превращаться въ города въ эпоху варварскихъ нашествій. Жители разрушеннаго римскаго города перешли въ деревню и окружили ее стѣнами. Подъ ихъ защиту являлись монахи съ мощами, затѣмъ купцы съ товаромъ — и городъ готовъ. То же происходило и въ эпоху феодальныхъ войнъ.

Однако, не слѣдуетъ думать, что средневѣковой городъ созданъ только этими условіями; не слѣдуетъ думать, что муниципальная независимость родилась и окрѣпла единственно въ силу того

благосостоянія, которое принесла въ городъ волна купцовъ и пилигримовъ.

Тутъ передъ нами происходитъ капитальная перемѣна точки зрѣнія. Сеньеры, чтобы облегчить и ускорить превращеніе деревни въ городъ, даютъ ей всякаго рода привилегіи и вольности, способныя привлечь жителей. Факты этого порядка, правда, рѣдки, но они существуютъ. Это прямой переходъ къ коммунѣ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ прямо сказано, что всѣ лица, обитающія въ городѣ или владѣющіе тамъ домами, свободны, освобождены отъ внѣшней зависимости и поставлены подъ покровительство городской корпораціи.

Нѣкоторые города обязаны своимъ возникновеніемъ единовременному основанію. Въ такихъ городахъ и вольности получались легче, потому что сеньеръ-основатель являлся заинтересованнымъ въ быстромъ развитіи города.

Бросимъ взглядъ на положеніе городского населенія. Замки въ городахъ являются не только охраной жителей отъ нападенія сосѣдей; въ гораздо большей степени они гарантируютъ сеньеру полную возможность угнетать гражданъ à merci; благодаря имъ, онъ можетъ жечь дома гражданъ, грабить ихъ имущество, притѣснять ихъ всѣми способами. Мудрено ли послѣ этого, что главныя усилія зараждающихся коммунъ направлены противъ замковъ! Разрушить ихъ — первый шагъ на пути къ освобожденію, это *conditio sine qua non*.

Подобную же роль по отношенію къ городскому населенію играютъ и монастыри.

Представить коллективный отпоръ сеньеральному гнету — городамъ очень трудно, почти невозможно въ виду крайней разрозненности элементовъ его населенія. Ихъ интересы, ихъ положенія различны; точки соприкосновенія рѣдки и болѣе способны вызвать разладъ, чѣмъ содѣйствовать сплоченію. Каждый изъ городскихъ элементовъ порознь спо-

собенъ скорѣе примкнуть къ сеньеру, чѣмъ соединиться съ другимъ.

Но, хотъ и существовало такое дробленіе, однако отдѣльныя группы представляли изъ себя массу клѣточекъ, которыя должны были соединиться вокругъ наиболѣе жизнеспособной. Тутъ группа рыцарей или министеріаловъ высшаго ранга, старыя привилегированныя семьи, классъ свободныхъ, familia держателей, ремесленники, крѣпостные.

„Главное ядро черпаетъ свою жизненность, свою силу разрастанія, какъ и силу сплоченія въ связяхъ и привычкахъ корпоративнаго характера, изъ которыхъ однѣ передавались втеченіе столѣтій другія родились въ средніе вѣка. Это корни, сидящіе глубоко подъ землей, изъ которыхъ вырастутъ вѣтви съ неожиданными молодыми побѣгами“.

Каково бы ни было происхожденіе города, въ средѣ его населенія всегда можно разсмотрѣть традиціонную связь, опирающуюся на общность матеріальныхъ интересовъ. Это наблюдается въ различныхъ видахъ, но постоянно и независимо отъ того, когда возникъ городъ.

Параллельно съ тѣмъ какъ растутъ и увеличиваются городскія права, растетъ и увеличивается связь между разнородными группами населенія. Большую роль въ этомъ сыграло право убѣжища а именно та его форма, которая извѣстна намъ подъ названіемъ *sauveté*. Мы знаемъ, что духовная и свѣтская власть дѣйствуютъ объ руку при созданіи этого типа убѣжища и крестъ служить символомъ и границею его. *Sauveté* обезпечиваетъ населенію, живущему въ его границахъ общность привилегій и общую защиту противъ притѣсненія и насилія. Обыкновенно, достаточно пребыть въ ея предѣлахъ традиціонный средневѣковый срокъ— годъ съ днемъ, чтобы права *Sauveté* сдѣлались дѣйствительными.

Общность привилегій, даруемых *Sauveté* дѣлаетъ болѣе тѣсной связь между группами городского поселенія. Флакъ различаетъ три связи—кастовую, религіозную и промышленную.

Непосредственно за сеньеромъ въ городской іерархіи идутъ рыцари, изъ которыхъ одни вассалы, другіе независимые. Классъ свободныхъ людей, буржуазія должна была бы стать въ оппозиціонное положеніе по отношенію къ рыцарству и опереться на народъ. Такъ бываетъ, но рѣдко; гораздо болѣе обычно обратное явленіе; сліяніе рыцарства съ буржуазіей, на средней почвѣ, на классѣ министеріаловъ, въ которыхъ въ одинаковой степени представлены всѣ городскіе элементы. Это сліяніе образуетъ городской патриціатъ. Подобная же унификація происходитъ и въ низшихъ классахъ. Какъ наверху она воспользовалась министеріалитетомъ, такъ здѣсь пользуется приходомъ. Церковь сближаетъ низшіе классы независимо отъ того, кому кто принадлежалъ, гдѣ жилъ, чѣмъ занимался. Послѣдній вопросъ вскорѣ получилъ самостоятельное значеніе.

Сначала появляются единенія ¹⁾ сосѣднихъ семей въ кварталы (*viciniae*), поставленные подъ покровительство какого-нибудь святого. Затѣмъ начинаютъ появляться группировки ремесленниковъ одной и той же отрасли труда, купцовъ одной и той же спеціальности. Они не остаются при первоначальномъ часто матеріальномъ сближеніи; солидарность и взаимная помощь встрѣчаются и рождаютъ корпоративную связь.

Флакъ считаетъ возможнымъ, что римскія корпорациі ремесленниковъ никогда не исчезали. Во всякомъ случаѣ на нихъ реагировалъ принципъ

¹⁾ Въ происхожденіи этого стремленія въ среднихъ вѣкахъ играли роль и естественныя представленія и римская и германская традиціи.

религіозной связи. Коллегія сдѣлалась братствомъ, чтобы быть допущенной къ покровительству церкви. Конечно, тутъ было участіе и германскаго элемента.

Ремесленные и профессиональные братства, возникшія изъ соединенія трехъ элементовъ — римскаго, германскаго и религіознаго, оказались наиболѣе крѣпкими въ своей организаціи и быстрѣе другихъ стали развиваться. Въ своемъ развитіи они слѣдовали за ростомъ промышленности и торговли.

Вскорѣ при условіи уплаты ценса члены ремесленныхъ корпорацій получили доступъ къ должности прево. Для этого они должны были отказаться отъ своего ремесла и вступить въ купеческую гильдію.

IV.

Таковы были корпоративныя связи, которыя затѣмъ перешли въ коммунальныя. Въ этомъ переходѣ необходимо различать два пункта: обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ совершился и внѣшній признакъ, въ которомъ онъ выясняется. Обстоятельство—это логическое развитіе сеньеральнаго режима, великія политическія событія XI и XII вв. и вліяніе расы, а внѣшній признакъ — дарованіе грамотъ.

Феодальные войны ослабляютъ сеньеровъ, этимъ пользуется городской патриціатъ и, опираясь на плебеевъ, открываетъ борьбу противъ сеньера. Но военная сила послѣдняго далеко превосходитъ боевую готовность городовъ и послѣдніе пока могутъ только пользоваться моментомъ и требовать уступки у одного изъ двухъ соперниковъ, ведущихъ борьбу изъ-за города, обѣщаніемъ ему помощи.

Эти уступки имѣютъ ввиду уже не извѣстный классъ, а всѣхъ обитателей города, что не вызываетъ никакихъ затрудненій организаціоннаго свой-

ства. Приходской и квартальный порядокъ оказывается въ достаточной мѣрѣ эластичнымъ и быстро приспособляется къ обстоятельствамъ. Коммунальная связь заложена ²⁾. Являются присяжныя коммуны (*communes jurées, conjuratio*).

Присяжный характеръ коммунъ рельефно выступаетъ на первый планъ, когда передъ ними встаетъ въ высокой степени жизненная и важная задача— сбросить ярмо сеньера и самой сдѣлаться сеньеромъ. Эта задача впервые разрѣшается удачно для коммунъ при столкновении ихъ съ духовными сеньерами, по разнымъ причинамъ потерявшими къ этому времени значительную долю своего вліянія и свои силы. Точно также коммуна пользуется династическими войнами для того, чтобы дѣлать попытки добиться самостоятельности, что иногда имъ удается. Сюда же надо отнести и вліяніе крестовыхъ походовъ—по двумъ причинамъ. Крестоносцы нуждались въ деньгахъ, и коммуны давали ихъ только за хартіи. А затѣмъ фактическое ослабленіе феодальнаго рыцарства облегчила коммунальнѣ борьбу.

Значительную роль въ этой борьбѣ играло вліяніе расы. Оно въ различныхъ видахъ обнаруживалось какъ со стороны сеньеровъ, такъ и со стороны подданныхъ. На югѣ борьбы не было, на сѣвѣръ она велась особенно беспощадно съ обѣихъ сторонъ, и въ промежуточныхъ странахъ сопротивленіе было слабѣе, не смотря на столь же сильный гнетъ.

Коммуны стали быстро возрастать въ количествѣ и вскорѣ представляли богатое многообразіе въ формахъ и типахъ, преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ сеньеру. Такое многообразіе соответствуетъ общему многообразію окружающихъ

1) Нѣкоторые города, въ которыхъ не было подходящихъ учреждений, заимствовали коммунальныя формы у *sauvetés* и братствъ (*institutions de paix* и *amitié*).

политическихъ условій, отлившихся въ форму феодализма. Вѣдь въ сущности коммунальная хартія не больше какъ особенный видъ феодальнаго договора. Вмѣсто индивидуума въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ сеньеру становится совокупность населенія. Такой видъ договора восходитъ своими корнями къ тѣмъ же феодальнымъ отношеніямъ.

Необходимость хартіи ясна изъ сказаннаго. Ею сеньеръ признаетъ и санкціонируетъ отношенія установившіяся между членами городской ассоціаціи; ею онъ торжественно закрѣпляетъ свой договоръ съ отнынѣ признаваемой ассоціаціей. Въ присяжныхъ коммунахъ, гдѣ личная связь по клятвѣ играетъ главную роль, первый изъ указанныхъ объектовъ хартіи преобладаетъ надъ вторымъ; въ хартіяхъ обычаевъ (*chartres de coutumes*), болѣе многочисленныхъ, опирающихся на архаическую связь, регулированіе правъ и обязанностей по отношенію къ сеньеру такъ рѣшительно выдвигается на первый планъ, что часто тамъ не встрѣчается и слѣдовъ муниципальной организаціи; наконецъ въ хартіяхъ вольностей то и другое не раздѣляется.

Среди этихъ трехъ типовъ присяжная коммуна занимаетъ высшую ступень политической лѣстницы и всего болѣе приближается къ феодальному клану, находящемуся въ вассальной зависимости отъ сюзерена. Поэтому то она всего меньше таила въ себѣ прогрессивныхъ элементовъ. Это было скорѣе учрежденіе прошлаго, чѣмъ учрежденіе будущаго. Гораздо больше подвижности и жизнеспособности было у *villes à coutumes*, и если бы французская монархія того времени позаботилась объ ихъ развитіи, то на развалинахъ феодальнаго общества не возникъ бы абсолютизмъ. Этимъ коммунальныя вольности были бы спасены во Франціи такъ, какъ онѣ были сохранены въ Англіи.

V.

Теперь попробуемъ опредѣлить мѣсто Флака среди ученыхъ, занимавшихся нашимъ вопросомъ и дать общую оцѣнку его работы. Мы не будемъ пытаться разбирать ее по существу, это завело бы насъ далеко и вышло бы изъ рамокъ нашего очерка. Наша попытка будетъ носить чисто методологическій характеръ.

Уже выше было замѣчено о томъ, что Флакъ пользуется нѣсколько болѣе сложнымъ методомъ, чѣмъ представители традиціонной точки зрѣнія. Теперь мы добавимъ, что этотъ методъ далъ ему возможность подробнѣе прослѣдить за судьбою римскаго города и—эту часть его книги мы не излагали—указать эволюцію первоначальныхъ римскихъ общежитій, начиная съ виллы. Онъ привелъ его и къ болѣе правильной оцѣнкѣ различныхъ отношеній—борьбы, соглашенія—въ исторіи возникновения коммунъ.

У Флака нѣтъ той исключительности въ точкѣ зрѣнія и той односторонности, которая такъ характерна для открывателей, если можно такъ выразиться, и для родоначальниковъ научныхъ направлений. Онъ добросовѣстно изучилъ всю литературу и не примкнулъ ни къ одной школѣ всецѣло. Въ различныхъ вопросахъ онъ соглашается съ различными взглядами, порою находитъ возможность примирить два взгляда. Это не эклектизмъ, это и не синтезъ. оба термина мало идутъ къ подобнымъ работамъ. Это результатъ добросовѣстной самостоятельной научной работы и если выводы Флака въ томъ или другомъ вопросѣ сходятся съ выводами другихъ—это чистая случайность.

Первый вопросъ при изслѣдованіи котораго рѣзко выясняются выгоды метода Флака—это вопросъ о корняхъ городовъ. Большинство ученыхъ, посвятившихъ свои труды его выясненію, останавлива-

ются на болѣе безусловномъ, болѣе простомъ и болѣе одностороннемъ отвѣтѣ. Они стоятъ за однообразіе этихъ корней. Таково большинство нѣмецкихъ ученыхъ, и, если мы отмѣтили раньше нѣкоторую неполноту построеній Белова, то это въ значительной степени относилось къ тому, что его выводы доказаны только относительно тѣхъ городовъ, на которыхъ онъ останавливается. Флакъ стоитъ за множественность корней и прямо а priori можно сказать, что его точка зрѣнія болѣе правильная. Начало городовъ не исключительно въ римскихъ порядкахъ, не исключительно въ учрежденіяхъ среднихъ вѣковъ. Послѣдніе сдѣлали свой вкладъ въ струю, приведшую къ возникновенію городовъ не одной какой-нибудь стороной, а нѣсколькими.

Римская традиція непрерывна, во-первыхъ, внѣшнимъ, чисто территоріальнымъ образомъ; во-вторыхъ, въ своихъ социальныхъ отношеніяхъ (корпорации и т. д.). Административныя начала возникли на средневѣковой почвѣ. Но и тутъ Флакъ не допускаетъ односторонности. Сеньеры выдавали хартии не только побѣжденные въ борьбѣ, какъ думалъ Огюстѣнъ Тьерри и не только по мирному соглашенію, какъ полагалъ Люшеръ. И то и другое имѣло мѣсто.

Но на ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что Флакъ не отвѣтилъ прямо и опредѣленно на вопросъ о происхожденіи городского устройства. Беловъ замѣтилъ, что устройство можетъ произойти только изъ другого устройства, если оно не абсолютно ново. Флакъ указываетъ, что города возникали изъ общежитій вокругъ замковъ или монастырей, выросали изъ деревень. Но откуда взялось городское устройство? Оно не могло быть новымъ, потому что невозможно представить себѣ какого бы то ни было населенія безъ извѣстнаго, хотя бы самаго примитивнаго, устрой-

ства. Вотъ изслѣдованіе этой-то связи Флакъ совершенно упустилъ изъ виду. У него есть прекрасно обоснованный, твердый отвѣтъ на вопросъ внѣшней филиаціи поселеній, но нѣтъ его на вопросъ объ ихъ внутренней эволюціи. И это, конечно, важный пробѣлъ въ его, въ общемъ, очень цѣнной работѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, какъ выгодно отличается отъ юриста Зома юристъ Флакъ. Онъ не только не злоупотребляетъ юридическими настроеніями, наоборотъ, право въ его изслѣдованіи лишь дополняетъ работу историка. И историческая точка зрѣнія у него шире, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Не говоря о томъ что онъ очень внимательно относится къ критическимъ вопросамъ, онъ привлекаетъ къ историческому изслѣдованію научныя отношенія другихъ рубрикъ.

Не совсѣмъ полная, не всегда ясная его работа, установившая въ точныхъ границахъ предѣлы римской традиціи, является оригинальнымъ и въ высокой степени важнымъ дополненіемъ существующей литературы по вопросу о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ.

ГЛАВА III

Кейтгенъ.

I.

Кейтгенъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ литературѣ о происхожденіи городовъ, и это положеніе въ значительной степени обуславливается тѣмъ, что онъ писалъ послѣ появленія цѣлаго ряда крупныхъ трудовъ по занимающему насъ вопросу. Поэтому онъ суживаетъ свою задачу. Его книга посвящена разработкѣ исключительно тѣхъ вопросовъ, которые являются спорными и по которымъ господствующія теоріи не пришли къ соглашенію. Онъ отказывается писать исторію нѣмецкаго городского устройства въ его зачаткахъ и не обѣщаетъ дать руководства для изученія предмета. Его задача—исслѣдованіе принциповъ; онъ хочетъ найти источники ошибокъ въ различныхъ теоріяхъ, отыскать въ каждой изъ нихъ вѣрныя построенія и указать, какъ односторонне выдвигаемые факторы въ дѣйствительномъ ходѣ историческаго развитія находятъ каждый свое мѣсто. Средневѣковая городская эволюція слагается преимущественно изъ двухъ моментовъ — экономическаго и правового; поэтому Кейтгенъ ставитъ на первомъ мѣстѣ изслѣдованіе взаимнаго отношенія этихъ двухъ моментовъ. При этомъ онъ разъ навсегда оговаривается, что будетъ держаться исключительно нѣмецкой, а не общегерманской почвы.

Въ происхожденіи нѣмецкаго городского устройства необходимо различать два процесса—возникновеніе городского судебного устройства и возникновеніе городского общиннаго устройства. То и другое надо разбирать отдѣльно.

Нѣмецкій городъ въ Средніе вѣка имѣетъ ту особенность, что онъ въ одно и то же время представляетъ и округъ государственнаго судоустройства¹⁾ и мѣстную общину, при чемъ послѣдняя не есть часть перваго. И это возвышеніе города въ округъ государственнаго судоустройства слѣдуетъ разсматривать не какъ пожалованную городскимъ общинамъ привилегію, хотя онѣ и извлекаютъ изъ этого пользу, а просто какъ фактъ, явившійся отвѣтомъ на запросъ государственнаго интереса.

Въ началѣ вся страна была покрыта цѣлою сѣтью одинаковыхъ судебныхъ округовъ, сотенъ, но съ теченіемъ времени, благодаря увеличенію количества народонаселенія стала уменьшаться ихъ величина, затѣмъ, эту сѣть сотенъ стали прорѣзывать все возрастающіе въ числѣ иммунныя округа, наконецъ, система разсылки чиновниковъ повела къ тому, что судебная власть была отнята у однихъ должностныхъ лицъ и отдана другимъ.

Въ IX и X вв. народонаселеніе Германіи было чрезвычайно рѣдкое. Съ увеличеніемъ его и съ уменьшеніемъ величины сотни какое-нибудь поселеніе съ относительно большимъ числомъ жителей и съ выгоднымъ экономическимъ положеніемъ

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи Кейтгенъ принимаетъ выраженіе „городское судоустройство“; если судъ и не городского происхожденія, то онъ, во всякомъ случаѣ, созданъ для города. Несомнѣнно, что условіемъ для возникновенія городского суда было существованіе городской общины, но Кейтгенъ находитъ болѣе удобнымъ разбирать вопросъ о судѣ въ началѣ своего изслѣдованія, такъ какъ онъ прежде проявляетъ особенности своего развитія и тѣмъ открываетъ путь для эволюціи общиннаго устройства. Только благодаря суду является городъ въ юридическомъ смыслѣ.

легко могло отмежевать для себя особый судебный округ¹⁾. Изъ компетенціи такого суда исключались лишь тяжкія уголовныя дѣла, которыя относились къ вѣдѣнію суда сеньера. Короли при непрочности ихъ власти въ X—XII вв. очень часто делегировали свою судебную власть духовнымъ князьямъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существовали епископскія сеньеріи. Города были отданы „подъ защиту“ епископа противъ наслѣдственнаго судьи, графа и его рода. Епископъ и его фогтъ — вотъ судьи первоначальнаго городского судебного округа, и только о нихъ говорятъ первыя грамоты. Лишь позднѣе начались протесты городовъ противъ навязанныхъ имъ духовныхъ судей²⁾.

Въ чемъ же заключалось городское судоустройство? Несмотря на разнообразіе формъ схема его всюду одна: это — схема земскаго судоустройства³⁾.

Городской судъ, какъ и судъ сотни — это *echtes Ding* вмѣстѣ съ созывавшимися по мѣрѣ надобности *gebotene Dingen*. Эту организацію мы встрѣчаемъ во всѣхъ нормально развивавшихся крупныхъ городахъ. *Echtes Ding* представляетъ подъ королевскимъ банномъ фогтъ, обыкновенно знатный, *gebotene Ding* — староста, центенаръ, которому фогтъ отдаетъ баннъ въ ленное пользованіе. Есть основаніе пред-

1) Быть-можетъ, города со своими марками образовали судебные округа раньше, чѣмъ начало развиваться особенное городское право. Городъ тогда былъ сотней, либо соединенной въ одно графство вмѣстѣ съ другими, либо изолированной.

2) Эта делегация не имѣетъ никакой связи съ образованіемъ церковныхъ иммунитетовъ. Перенесеніе судебной власти было обусловлено политическими соображеніями и должно было сдѣлаться фактомъ, если бы даже въ странѣ не было раньше иммунитетовъ. Если видимая связь и существовала въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то, по всей вѣроятности, она была только случайной. Ср. Heussler. *Ursprung d. deutsch. Stadtverfassung*. 14 слѣд.

3) Здѣсь взгляды Кейтгена сильно отражаются на себѣ воззрѣнія Зома. Ср. *Fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung*, главу объ *echtes Ding* и *gebotene Dingen*. Стр. 360 и слѣд.

полагать, что староста и есть настоящій городской судья, отчасти потому, что къ его суду чаще всего обращались, отчасти потому, что онъ былъ назначенъ специально для города и внѣ его не имѣлъ права судоговоренія. Однако и фогтъ также городской судья, хотя про него нельзя сказать того же.

Надъ городомъ и городскимъ судьей стоитъ территоріальный князь, какъ высшій судья для всей территоріи. Впрочемъ, обособленное положеніе города отъ этого не мѣняется. Онъ образуетъ замкнутый судебный округъ со своимъ судьей и не связанъ въ одинъ судебный округъ съ земскимъ дистриктомъ даже тогда, когда дѣло идетъ о неподсудныхъ городскимъ судамъ маленькихъ городовъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій.

Какимъ же образомъ возникаетъ городъ и городской судебный округъ? Какое юридическое представленіе легло въ основу отличія города отъ другихъ поселеній и есть ли какой-либо внѣшній признакъ такого представленія? Несомнѣнно есть. Это — укрѣпленіе. Въ такомъ предположеніи насъ утверждаетъ ужъ одно словоупотребленіе. Древнѣйшее нѣмецкое названіе для города—*burg*, т.-е. укрѣпленный домъ, а затѣмъ—укрѣпленіе вообще. Соотвѣтственно этому въ памятникахъ мы всюду встрѣчаемъ въ качествѣ синонимовъ *Bürger* и *Städter*, *Burggraf* и *Stadtgraf*, *Burgrecht* и *Stadtrecht* и т. д. И если не каждый бургъ — городъ, то во всякомъ случаѣ укрѣпленіе первый признакъ отличія города отъ деревни. Какія же юридическія послѣдствія вытекаютъ изъ свойствъ города, какъ бурга?

Бургъ—замкнутое пространство, а каждое замкнутое пространство по нѣмецкому обычному праву пользуется миромъ. Это относится къ каждому дому и каждой деревушкѣ; для города есть еще дальнѣйшій моментъ въ томъ, что бургъ—королевскій бургъ, а все что принадлежитъ королю пользуется

особеннымъ высшимъ миромъ. Вотъ этотъ то особенный миръ, которымъ пользуется городъ и составляетъ первую существенную часть городского права. Какъ только городъ образуетъ округъ съ особеннымъ, высшимъ миромъ, является городской судебный округъ, потому что высшій миръ — особенное мѣстное право. Городской миръ — исходный пунктъ городской свободы. Благодаря ему городъ дѣлается убѣжищемъ.

II.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію общинныхъ отношеній города. Городская община, какъ и крестьянская община — простая мѣстная община съ автономными полномочіями. Съ этой точки зрѣнія и будетъ разсматриваться городъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Наиболѣе интереснымъ является вопросъ, какимъ образомъ простое устройство первоначальной общины подверглось той своеобразной и плодотворной эволюціи, которая нашла свое наиболѣе знаменательное выраженіе въ городскомъ совѣтѣ. Причины тутъ экономического свойства, и необходимо изслѣдовать отдѣльные факторы городского развитія, чтобы съ достаточной ясностью и полнотой понять весь процессъ.

На первомъ планѣ стоитъ выясненіе отношеній первоначальной крестьянской общины.

Городская община, сельская община и марковая община — всѣ три въ одно и то же время а личныя общины и реальныя общины; онѣ представляютъ личныя соединенія на реальныхъ основахъ.

Относительно способа возникновенія марковаго товарищества (Markgenossenschaft) существуютъ двѣ гипотезы: одна принадлежитъ Лампрехту и гласитъ, что первоначальное марковое товарищество сливалось съ сотней, другая, въ числѣ представителей которой мы встрѣчаемъ Вайца, Маурера, Гирке и Бруннера, защищаетъ, опираясь на Цезаря, гипотезу

тезу возникновенія марковаго товарищества изъ семейныхъ соединеній (Sippschaft), поселившихся деревнями или отдѣльными дворами.

Но Лампрехтъ опирается главнымъ образомъ на факты добытые относительно страны по Мозелю и не отрицаетъ того, что „во многихъ случаяхъ марковое товарищество первоначально сидѣло вмѣстѣ на одномъ поселеніи“¹⁾, такъ что вторая гипотеза остается вѣрной для менѣе культурныхъ странъ средней Германіи. Въ этомъ вопросѣ и до Кейтгена установилось единогласіе²⁾. Онъ присоединяется ко второй гипотезѣ и идетъ дальше.

Область, на которой поселилась марковая община съ теченіемъ времени подверглась различнымъ измѣненіямъ. Послѣ того, какъ образовалось отдѣльное владѣніе на пахотную землю, все остальное—лѣсъ, выгонъ, луга, пустоши—остались общей всему поселенію маркой. Тогда изъ большой марки образовались вторичныя марки для отдѣльныхъ общинъ, принадлежавшихъ къ марковому товариществу, причемъ опять-таки извѣстная часть оставалась въ общемъ пользованіи.

Цѣль марковаго товарищества, если только здѣсь можетъ быть рѣчь и цѣли, заключалась въ культивировкѣ (Bewirtschaftung) общей марки, и марковая община поэтому не болѣе, какъ свободное соединеніе именно для этой цѣли. Притомъ, она существовала независимо отъ самой марки, могла сложиться до поселенія и не распадется послѣ оставленія территоріи марки.

Община характеризуется извѣстной автономіей (Selbstbestimmungsrecht), которая не исчерпывается чисто хозяйственными отношеніями, а захватываетъ и другія смежныя сферы, напр. полицейскую. По-

1) Lamprecht. Deutsch. Wirtschaftsleben in Mittelalter. В. I. 269².

2) При этомъ остается въ сторонѣ гипотеза совпаденія сотни, государственнаго судебного округа и марки, автономнаго хозяйственнаго округа.

этому утверждение Маурера (Dorfverfassung I. 88), что сельская община была сельским товариществом, не совсѣмъ правильно. Она была имъ лишь постольку, поскольку возникалъ вопросъ о культурѣ сельской марки. И сельское устройство опиралось на автономію общины хозяйственно самостоятельныхъ людей.

Показать, что сельская община не просто марковое товарищество важно въ томъ отношеніи, что помогаетъ намъ правильно понять сущность городской общины, показать, что она не восходитъ къ марковому товариществу, а по существу одинакова съ сельской общиной.

Какъ городское судебное устройство возникло на почвѣ общаго государственнаго судебного устройства, такъ и устройство городской общины всецѣло покоится на основахъ общаго нѣмецкаго автономнаго коммунальнаго устройства. Лишь вслѣдствіе особенностей, главнымъ образомъ экономическихъ, въ городѣ все развилось пышнее. Позднѣе городъ приобретаетъ специфическія черты, но вначалѣ городская община совпадаетъ съ сельской. И тутъ, какъ и тамъ основа устройства—автономія общины. И городская община до извѣстной степени марковое товарищество, хотя это обстоятельство въ данномъ случаѣ уже отступаетъ на задній планъ. И въ городѣ есть альменда, какъ внутренняя (стѣны, дороги, незастроенныя мѣста и т. п.), такъ и внѣшняя (лугъ, лѣсъ, пустоши и т. п.). Сюда же относится тожество критерія о принадлежности къ общинѣ—земельный цензъ, хотя по условіямъ городской жизни въ городѣ онъ требуется менѣе значительный и не ведетъ за собой личной зависимости ¹⁾.

¹⁾ Старые крестьянскіе земельные собственники остались полноправными гражданами и принадлежность къ купеческому званію не была необходимымъ условіемъ для полученія бюргерскихъ правъ, вопреки Зому.

Точно также дѣло обстоитъ съ полномочіями общины и съ ихъ выразителемъ, совѣтомъ. Совѣтъ мы встрѣчаемъ и въ сельской общинѣ, помимо старшины (Heimburg, Bauermeister) и даже подъ тѣмъ же названіемъ, Rat. Его дѣятельность всецѣло покоится на автономіи общины и не регулируется никакими внѣшними законами.

III.

Если судебный иммунитетъ городовъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ юридическимъ условіемъ процвѣтанія города, если торговля и ремесла были его двигающими силами, то дальнѣйшимъ условіемъ развитія города было регулированіе землевладѣнія.

Вездѣ, гдѣ возникали города, сеньерь дѣлилъ извѣстный участокъ земли между группой поселенцевъ и облагалъ ихъ опредѣленнымъ, не очень высокимъ наслѣдственнымъ оброкомъ. При этомъ личной зависимости не подразумѣвалось. Участокъ можно было отчуждать совершенно свободно и въ крайнемъ случаѣ съ согласія сеньера, которому въ такихъ случаяхъ давалось небольшое отступное.

Какъ возникли эти отношенія? Предшествовалъ ли этому наслѣдственному городскому лену срочный лень? Едва ли. Городской лень предполагаетъ не меліорацію вообще, а опредѣленную меліорацію путемъ возведенія построекъ. А при срочномъ ленѣ, если только онъ не отданъ на очень длинный срокъ, такое условіе прямо невысказано.

Что касается до публично - правовой стороны дѣла, то несомнѣнно, что наслѣдственный лень въ очень значительной степени способствовалъ постепенному приобрѣтенію личной свободы зависимыми элементами (Hörige) городского населенія. Это подтверждаютъ многочисленныя данныя въ источникахъ, гдѣ говорится о земельной собственности по городскому праву. О ленѣ тамъ рѣчь

идеть даже тогда, когда оброкъ прямо не подразумѣвается, т.-е. когда говорится объ аллодіальномъ владѣніи. А аллодіальная или оброчная городская собственность служатъ необходимымъ условіемъ для полученія бюргерскаго права. И такъ какъ срочный ленъ не ведетъ къ этимъ юридическимъ результатамъ, то ясно, что у него нѣтъ ничего общаго съ наследственнымъ леномъ.

При этомъ необходимо различать два рода наследственного владѣнія—оброчную собственность, или эмфитевзисъ и оброчный ленъ. Только первый ведетъ къ бюргерству. Тутъ оброкъ не можетъ быть поднятъ и даже неплатежъ влечетъ за собой лишь денежный штрафъ. Цѣль такого лена—меліорація въ смыслѣ возведенія построекъ. Существуетъ обоюдное право выкупа—для ленника на *dominium*, для сеньера на постройки. При отчужденіи платится отступное, въ остальномъ держатель свободенъ. Во второмъ случаѣ при отчужденіи требуется согласіе сеньера, при неплатежѣ оброка—грозитъ отобраніе. О выкупѣ нѣтъ рѣчи.

Поземельныя отношенія съ самага начала складывались различно. Въ римскихъ городахъ ихъ опредѣляло завоеваніе. Часть земли бралъ себѣ герцогъ, другую дружинники, а церкви и монастыри получали съ обѣихъ сторонъ и постепенно сдѣлались самыми крупными владѣльцами. Но заключать изъ этого, что во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ были церковныя земли вся земельная собственность тѣмъ или инымъ способомъ перешла къ епископу или аббату было бы невѣрно. Въ источникахъ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ того факта, что церковныя владѣнія распространялись на весь городъ. Простое перенесеніе судебной власти на епископа совершенно не подкапывало ни свободы гражданъ, ни ихъ собственности. Городскія земли платили лишь оброкъ, и ихъ владѣльцы не состояли ни въ какой личной зависимости отъ епископа. О чи-

сто крѣпостныхъ повинностяхъ—*Hauptrecht, Buteil* и т. п. нѣтъ рѣчи. Правда, у духовныхъ сеньеровъ всегда была крайне непохвальная склонность забывать границы между своими административными и феодальными правами, и городамъ зачастую приходилось много терпѣть отъ такой разсѣянности. Если епископъ былъ силенъ, а городъ слабъ, епископъ особенно охотно смѣшивалъ свои судебно-административныя полномочія съ правами, основанными на феодальныхъ отношеніяхъ.

Въ отношеніяхъ сеньера къ городу сильнымъ пертурбаціоннымъ элементомъ было приселеніе. И сеньеръ и городскіе землевладѣльцы охотно принимали приселенцевъ и обставляли ихъ водвореніе самыми льготными условіями. Благодаря значительному количеству приселеній ленъ по городскому праву сталъ составлять одну изъ самыхъ существенныхъ частей городского права вообще. Съ нимъ связано знаменитое положеніе *Die Stadtluft macht frei*, вызвавшее предположеніе, что въ городѣ не было никакихъ помѣщичьихъ платежей. Однако это не подразумѣвается само собою. Безъ конкуренціи города духовные сеньеры не стали бы давать приселенцамъ земли въ ленъ на очень льготныхъ условіяхъ. Они обезпечили за собою платежъ въ день смерти оброчника (*Buteil*), хотя это относилось не ко всѣмъ приселенцамъ, а лишь къ тѣмъ изъ нихъ, которые до приселенія были крѣпостными негородскаго сеньера. Отношенія личной зависимости исчезли лишь постепенно, и самое упоминаніе ихъ отмѣны въ привилегіяхъ показываетъ, что вначалѣ они держались — и *Buteil*, и *Hauptrecht*, и всѣ прочія довольно многочисленныя повинности. Но все это исчезло довольно скоро. Исчезли какъ повинности городскихъ ленниковъ по отношенію къ городскому сеньеру, такъ и повинности приселившихся крѣпостныхъ къ сеньеру, живущему внѣ города. Если и бывали случаи, что поселившіеся

въ городъ крѣпостные чужого сеньера платили ему посмертные платежи, то это объясняется тѣмъ, что они были не полноправными гражданами, а простыми Schutzgenossen. Крѣпостныя отношенія порывались съ поселеніемъ крѣпостного въ городъ. Лишь позднѣе возникло правило, что крѣпостному можно селиться только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы сеньеру не было ущерба.

А пока всякій, кто прожилъ годъ съ днемъ подъ городскимъ правомъ, подъ Weichbild'омъ, дѣлался полноправнымъ гражданиномъ; если кто умиралъ подъ Weichbild'омъ, его наслѣдство ждало годъ съ днемъ наслѣдника, ждало, охраняемое королевскимъ банномъ, не боясь никакихъ угрозъ по Bu-teil; если кто владѣлъ подъ Weichbild'омъ полученнымъ наслѣдствомъ годъ съ днемъ, у того оно ужъ не могло оспариваться.

Die Stadtluft macht frei.

IV.

Намъ осталось разсмотрѣть промышленныя условія городского развитія, наиболѣе парадоксальный отдѣлъ изслѣдованія Кейтгена, парадоксальную именно въ той части, которую онъ сдѣлалъ отправной точкой для изображенія промышленной эволюціи города.

Сильный подъемъ матеріальной и духовной культуры въ Германіи XIII вѣка заслонилъ въ глазахъ изслѣдователей менѣе замѣтный предшествующій процессъ; и поэтому въ исторіи X—XI вв. стали видѣть одну безпросвѣтную тьму.

Въ отношеніи экономической эволюціи это особенно невѣрно. Уже въ половинѣ X в. исключительно натуральное хозяйство не могло существовать даже въ Средней Германіи. Противоположное мнѣніе вызвано фактомъ постоянной кочевки двора по доменамъ. Но тутъ имѣли значеніе не однѣ хозяйственныя, но и политическія причины, необ-

ходимость личной ревизіи королемъ отдѣльныхъ частей государства, необходимость его періодическаго присутствія въ нихъ въ видахъ ослабленія престижа мѣстныхъ территоріальныхъ князей. Поэтому и натуральное кормленіе на доменахъ не стѣсняло королей и не было никакого повода для его реформы, легко осуществимой при экономическомъ развитіи эпохи.

Появленіе мѣновой торговли знаменуетъ разрывъ съ натуральнымъ хозяйствомъ, а Германія времени возникновенія городовъ уже перешла эту стадію. Есть ясные слѣды многихъ признаковъ внѣшней и внутренней торговли: дифференцируются два класса, производящій и потребляющій, сильно распространяется употребленіе монетъ. Отъ этихъ общихъ наблюденій отправляется Кейтгенъ въ своей оцѣнкѣ промышленнаго фактора городского развитія.

Въ Германіи купцы естественно селились въ старыхъ римскихъ городахъ, преимущественно въ епископальныхъ. Во внутренней Германіи они выбирали удобныя для ихъ цѣли мѣста, скрещенія дорогъ, рѣчныя переправы, естественныя преграды для судоходства; епископальные города во внутренней Германіи уже представляли центры торговыхъ сношеній; купцамъ крайне важна была близость укрѣпленій, правовая охрана на чужбинѣ и на ряду съ этимъ полученіе отъ короля права рынка. Естественный рынокъ предшествовалъ правовому, но короли никогда не отказывали въ юридической санкціи естественнымъ пунктамъ обмѣна. Запрещались только тѣ рынки, которые отказывались платить пошлины. Рынки бывали ежедневные и періодическіе ¹⁾; кромѣ купцовъ въ рынокъ былъ заинтересованъ господинъ рынка (Markherr) со

¹⁾ Это лишь относительно. Разницы по существу нѣтъ. Мясники, булочники и т. п. имѣли постоянныя лавочки на рыночной площади, только продажа производилась не ежедневно.

своимъ штатомъ; онъ слѣдилъ за сборомъ пошлины, за монетою, которая у каждаго рынка была своя, за рыночными зданіями.

Какъ только экономическія условія достаточно выяснили отличие городской общины отъ сельской, сейчасъ же началась сословная дифференціація, выдѣлился классъ людей съ особенными интересами и условіями жизни. Это были купцы. Какъ носители коренной задачи города они очень быстро приобрѣли исключительное положеніе въ городѣ. На это указываетъ употребленіе названія *mercatoris* для бюргеровъ вообще.

Какъ это произошло?

Купцы селились около стараго города, бурга, внѣ его стѣнъ, потому что въ бургѣ земля была ужъ вся занята, а для рынка нужна была большая площадь. Впослѣдствіи, когда и купеческое поселеніе стало обводиться стѣнами, стѣны стараго бурга срывались. Самое купеческое поселеніе никогда не образовало самостоятельной общины; оно вошло въ городскую общину.

Вліяніе новаго элемента быстро сказалось на городскомъ правѣ. Ради пользы купцовъ для города имъ сейчасъ же были дарованы необходимыя права, но дарованы не отдѣльнымъ купцамъ, а опредѣленнымъ группамъ; всѣ они стали пользоваться миромъ на рынкѣ и во время разѣздовъ. Отъ этихъ правъ надо отличать права поселившихся гдѣ-либо купцовъ ¹⁾, которыя хоть и были дарованы купцамъ, но скоро потеряли свой первоначальный спеціаль- ный характеръ и стали распространяться и на некупцовъ. *Kaufleuterecht* стало тождественно съ *Stadtrecht*. Особаго купческаго права не было.

1) Право приобрѣтать землю по „рыночному праву“ и т. п.

Купцамъ принадлежалъ судъ по своимъ дѣламъ, не „мировая“ юрисдикція, какъ то думаютъ, — та принадлежитъ королю и имъ делегируется своимъ должностнымъ лицамъ; купцы, какъ таковые изъ-являютъ притязаніе на юрисдикцію по дѣламъ, касающимся торговли, и главнымъ образомъ по дѣламъ мѣры и вѣса, — и эти притязанія почти всегда находятъ себѣ признаніе.

Такимъ образомъ городская община, возникшая изъ двухъ элементовъ — села и рыночнаго поселенія, соединяетъ зародыши административныхъ функцій села и рынка, и постепенно въ ней начинаетъ вырабатываться городское управленіе.

Теперь вопросъ, какъ возникъ его центральный органъ — городской совѣтъ? Трудно установить съ достаточной опредѣленностью процессъ и дату его возникновенія. Источники считаютъ это какъ бы понятнымъ само собою. При превращеніи мѣстечка въ городъ совѣтъ является уже въ самой грамотѣ основанія или упоминается въ документахъ очень скоро послѣ основанія такъ, какъ будто онъ существовалъ съ самаго начала. Возникъ онъ, очевидно, потому, что оказалось невозможнымъ обсуждать и рѣшать общинныя дѣла всѣмъ сходомъ. Не во всѣхъ городахъ совѣтъ былъ новообразованіемъ; онъ былъ введенъ сразу, созданъ по образцу другихъ, только въ городахъ поздняго происхожденія, въ старыхъ же мы легко можемъ прослѣдить его эмбриологію. Въ послѣднихъ даже до обведенія стѣнами былъ обычай назначать въ особенно важныхъ случаяхъ родъ выборной коллегіи, которая постепенно сдѣлалась постоянной.

Полномочія совѣта — часть полномочій общины, судъ по торговымъ вопросамъ и т. п.

Съ появленіемъ совѣта закончился процессъ возникновенія средневѣковаго города.

V.

Сгруппируемъ въ настоящее время возрѣнія Кейтгена и постараемся указать ихъ значеніе.

Когда германцы стали селиться въ римскихъ городахъ, послѣдніе снова сдѣлались центрами торговли и резиденціями епископовъ. Большіе города вслѣдствіе своего экономическаго и политическаго значенія образовывали цѣлыя сотни, а такъ какъ они были укрѣплены, были бургами, то пользовались особеннымъ, высшимъ миромъ королевскаго бурга. Въ этомъ фактѣ начало особеннаго городского права и фиксированія городского судебного округа. Его слѣдствіемъ было исключительное положеніе бюргеровъ передъ городскимъ судомъ.

Между тѣмъ возникали города и во внутренней Германіи. Въ удобныхъ мѣстахъ около бурговъ стали селиться купцы, затѣмъ ремесленники. Такъ какъ купцы путешествовали подъ охраной короля, то и ихъ поселеніямъ былъ дарованъ миръ бурга. Если поселеніе возникало вдали отъ бурга, оно укрѣплялось самостоятельно; многіе изъ такихъ поселеній получали отъ короля своего главу, господина, — въ старыхъ городахъ по политическимъ соображеніямъ, въ новыхъ — по экономическимъ. Господинъ воздвигалъ рынокъ, дававшій королю значительный доходъ. Изъ его рыночныхъ полномочій развилась рыночная полиція, а впоследствии судебная власть надъ мѣстомъ рынка вообще. вмѣстѣ съ этимъ купцы, а съ ними и всѣ бюргеры получили подтвержденіе своихъ обычныхъ правъ, отдавшее въ ихъ руки на первое время судопроизводство по торговымъ и промышленнымъ вопросамъ и послужившее основой дальнѣйшаго развитія ихъ права. Это купеческое обычное право оказало плодотворное вліяніе на давно существо-

вавшіе обычаи и права общины, около которой поселились купцы. Сюда присоединился еще одинъ моментъ — приселеніе, которое повело къ новымъ условіямъ землевладѣнія, которое создало правило, что бюргерство пріобрѣтается земельнымъ цензомъ, а личная свобода — бюргерствомъ. Наконецъ, благодаря экономическому расцвѣту и порожденному имъ политическому могуществу развился центральный органъ городского управленія—совѣтъ, который постепенно забралъ въ руки городскія дѣла и оттѣснилъ на задній планъ сеньера; а этимъ была положена основа полной автономіи города.

Таковы взгляды Кейтгена. Попробуемъ сначала указать мѣсто его изслѣдованій въ ряду другихъ работъ по происхожденію средневѣкового города, чтобы затѣмъ оцѣнить сдѣланный имъ вкладъ въ науку.

Съ перваго же взгляда бросается въ глаза значительная аналогія между нимъ и Флакомъ. И тотъ и другой отказываются отыскивать какой-нибудь одинъ руководящій моментъ, давшій направленіе процессу возникновенія и развитія города, въ родѣ идеи переживанія общинныхъ порядковъ у Белова или идеи вліянія рыночнаго права у Зома. И тотъ и другой пытаются установить разнообразіе условій и фактовъ, игравшихъ роль въ этомъ процессѣ. И съ этой стороны намъ приходится повторить о Кейтгенѣ то же, что было говорено выше о Флакѣ: такая точка зрѣнія представляется болѣе правильной уже а priori.

Но сходство между французскимъ юристомъ и нѣмецкимъ историкомъ ограничивается только указаннымъ, остается только внѣшнимъ сходствомъ въ точкѣ зрѣнія и не идетъ въ глубину. Это, конечно, легко объясняется различіемъ тѣхъ плановъ, которые оба изслѣдователя кладутъ въ основу

своей работы и различіемъ матеріала, надъ которымъ они оперируютъ. У Флака на первомъ мѣстѣ французскіе источники, у Кейтгена—нѣмецкіе.

Уже по этому самому проводить между ними болѣе послѣдовательную аналогію представляется излишнимъ, и мы отмѣчаемъ общность точки зрѣнія лишь съ одной цѣлью: мы хотимъ указать, что эта точка зрѣнія все больше и больше находитъ себѣ приложеніе въ работахъ, подобныхъ интересующимъ насъ, что кропотливый анализъ не приковываетъ вниманія изслѣдователей къ одной сторонѣ дѣла, что разносторонность и многообразіе историческаго процесса все сильнѣе и сильнѣе выдвигаютъ важность синтеза и вызываютъ попытки освѣтить историческое явленіе со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Даже такое большое несходство, какъ въ работахъ Кейтгена и Флака не исключаетъ возможности нѣкотораго единства метода.

Болѣе естественно сопоставленіе Кейтгена съ Беловымъ и Зомомъ. Матеріаль, разрабатываемый ими, одинъ и тотъ же, но результаты ихъ изслѣдованія далеко не одинаковы. Отчего это происходитъ?

Дѣло въ томъ, что въ основу построеній Кейтгена положено капитальное обще-историческое, пожалуй даже теоретическое представленіе, которое и даетъ направленіе всему ходу его изслѣдованія. Это — представленіе о непрерывности исторической эволюціи ¹⁾.

До Кейтгена почти всѣ изслѣдователи упускали изъ виду, что процессъ возникновенія городского устройства, начавшійся въ X — XI вв. никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ тѣхъ рудиментарныхъ институтовъ, которые позднѣе сдѣлались его основой и которые въ болѣе или менѣе выра-

1) Эта идея опять таки общая у него съ Флакомъ, хотя французскій изслѣдователь пользуется ею нѣсколько иначе.

женной формѣ мы уже встрѣчаемъ въ Каролингскую эпоху. Кейтгенъ возстановилъ эту связь въ этюдѣ о возникновеніи городского судебного округа. Онъ, какъ видѣлъ читатель, связываетъ его съ сотеннымъ устройствомъ. Эта мысль стоитъ въ противорѣчій съ идеей Белова ¹⁾, что городской судъ возникъ лишь позднѣе, въ XII в., благодаря привилегіямъ, дарованнымъ городскимъ сеньерамъ, преимущественно епископамъ. Въ основѣ беловской идеи лежитъ связь, въ которую онъ приводитъ городской судебный округъ съ городскимъ иммунитетомъ. Кейтгенъ документально доказалъ отсутствіе необходимости такой связи и такъ какъ трудно предположить, чтобы городской судебный округъ, бывшій однимъ изъ первыхъ германскихъ учрежденій, вдругъ оборвался въ своемъ развитіи и затѣмъ былъ возстановленъ искусственно, то идея Белова должна быть оставлена. При этомъ надо замѣтить, что идея суда на общегосударственныхъ основахъ *echtes Ding* съ фогтомъ во главѣ, который былъ, по мнѣнію Кейтгена, первой формой городского суда, вовсе не стоитъ въ противорѣчій съ гипотезой Белова о происхожденіи городского суда изъ *burding*'а крестьянской общины; въ позднѣйшемъ городскомъ судѣ мы находимъ несомнѣнные слѣды корпоративныхъ началъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нихъ растворились общія государственныя основы городского суда.

Вообще одно изъ достоинствъ книги Кейтгена заключается въ томъ, что она не отвергаетъ и не принимаетъ безъ оглядки ни одного изъ результатовъ предшествовавшего ему изслѣдованія. Это — черта настоящаго историка, которую мы тщетно стали бы искать, на примѣръ, у Зома. Разсмотримъ нѣсколько ближе отношеніе Кейтгена къ обѣимъ господствующимъ теоріямъ.

¹⁾ Ursprung d. deutschen Stadtverfassung, 85.

Какъ и Беловъ, Кейтгенъ, несомнѣнно, идетъ отъ Маурера. Идею его о томъ, что внѣшнее отличіе города отъ села заключается въ укрѣпленіи, Кейтгенъ принимаетъ безъ оговорокъ. Значеніе сельской общины, какъ зародыша городской, онъ принимаетъ въ обработкѣ Белова съ небольшими поправками; содержаніе городского права трактовано у Кейтгена тоже подъ вліяніемъ Маурера съ дополненіями Зома и опять съ собственными, тоже незначительными, поправками.

Его критика направлена, главнымъ образомъ, противъ теоріи рыночнаго права. Ей онъ посвящаетъ цѣлую главу ¹⁾ и, отдавая должное ея заслугамъ, очень энергично указываетъ ея слабыя стороны. Weichbild—это просто городское право, а не то, что думалъ Зомъ съ товарищами; рыночный символъ—не знакъ рыночныхъ полномочій господина рынка, а просто знакъ того, что рыночный миръ и прочія установленія—временно въ силѣ. Но онъ вполне признаетъ всю важность подчеркиванія экономическаго фактора въ процессѣ городского развитія, даже кладетъ его въ основу своей гипотезы о купеческихъ поселеніяхъ и безъ оговорокъ принимаетъ идею о значеніи особеннаго мира, на которой строить все развитіе городского права.

Историческая эволюція, по Кейтгену, не только непрерывна, она всеобъемлюща. Такой видный процессъ, какъ процессъ возникновенія городовъ, не могъ не коснуться всѣхъ сторонъ общественной жизни. И эту идею какъ-то упустили изъ виду, и Кейтгену суждено было напомнить также и о ней.

Всѣ силы, которыя играли роль въ общественной жизни временъ возникновенія городовъ, находятъ себѣ мѣсто въ исторіи городскихъ зачатковъ, какъ ее изображаетъ Кейтгенъ. Общее государственное судоустройство, распорядки сельской общины, воз-

¹⁾ Untersuchungen. 63—97.

никновеніе торговли и дифференцированіе сословій, епископскія сенъеріи, приселенія, институтъ особеннаго мира — все это входитъ въ тотъ великій процессъ, который привелъ къ городской автономіи.

Если мы припомнимъ методологическое замѣчаніе Белова и приложимъ его къ Кейтгену, то найдемъ, что онъ сумѣлъ оцѣнить ея важность. У него указаны и зачатки городского устройства въ общихъ государственныхъ судебныхъ учрежденіяхъ и распорядкахъ общины, и условія которыя направляли ходъ его развитія по тому, а не по другому пути—въ экономической эволюціи, приселеніяхъ, идеѣ особеннаго мира и трансформацияхъ сенъеральнаго права. Оба коренные вопроса — и юридическій и историческій—нашли себѣ вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе.

Трудъ Кейтгена не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Книга написана очень тяжело, и нелегко сразу схватить основную мысль автора, загроможденную полемикой, ссылками, цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ. Порой эта путанность становится даже досадна — до того приходится ломать голову надъ его кропотливой работой и неуклюжимъ языкомъ. Невольно вспоминается Зомъ съ его мастерски отдѣланнымъ изложеніемъ. Кромѣ того, книга не всегда свободна отъ поспѣшныхъ заключеній. Этюдъ о возникновеніи мѣноваго хозяйства и раннемъ паденіи натурального хозяйства прямо поражаетъ своимъ контрастомъ съ общимъ духомъ книги, съ общимъ осторожнымъ отношеніемъ къ источникамъ. Какъ помнитъ читатель, Кейтгенъ возстаетъ противъ представленія о позднемъ переживаніи натурального хозяйства, но доказываетъ свою мысль одними общими, притомъ довольно запутанными соображеніями. Гипотеза упадка торговли римскаго міра и ея замѣны натуральнымъ хозяйствомъ остается непоколебленной.

Это единственный крупный дефектъ книги Кейт-

гена. Есть и другіе, но они менѣе значительны и вполне искупаются ея положительными сторонами.

VI.

Если теперь мы захотимъ стать на болѣе общую точку зрѣнія и задать себѣ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ наука представляетъ процессъ возникновенія средневѣкового города, то къ результатамъ изслѣдованія Кейтгена, придется прибавить главный выводъ книги Флака. Дѣло въ томъ, что вопросъ о римской традиціи, котораго нельзя устранять никоимъ образомъ, почти совершенно не затронуть Кейтгеномъ. Ставить ему это въ упрекъ, конечно, нельзя: онъ видитъ свою задачу въ изслѣдованіи происхожденія учреждений, а идею филиаціи римскихъ муниципальных учреждений въ городскомъ устройствѣ Среднихъ вѣковъ такъ, какъ она представлялась Савиньи и Ренуару, можно считать окончательно оставленной.

Но Флакъ показалъ, что вопросъ о римской традиціи можно и должно ставить иначе. Если идея о продолженіи традиціи въ городскихъ учрежденіяхъ—фикція, то изъ этого не слѣдуетъ, что надо оставить мысль о традиціи вообще. Традиція существуетъ, и искать ее нужно въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ территориальномъ. Это признаютъ даже самые ярые германисты, напр. Мауреръ. Кейтгенъ также считаетъ это доказаннымъ. Во-вторыхъ, въ социальныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ пунктѣ единогласія не существуетъ. Говоря о социальныхъ отношеніяхъ, Флакъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, цехи. Но съ этимъ несогласенъ Беловъ, который хочетъ искать начала цеховъ въ корпоративныхъ отношеніяхъ городской общины. Судя по общему духу работы Кейтгена, онъ примыкаетъ къ Белову. Съ другой стороны идея римской традиціи, преемство между корпорациями послѣднихъ временъ имперіи и цехами сильно поддерживалась нѣмецкимъ юристомъ Гарт-

маномъ, который посвятилъ попыткѣ доказать это преемство свою работу о цехѣ римскихъ садовниковъ. У Белова этотъ вопросъ трактуется вскользь, какъ бы для дополненія картины общинной эволюціи, и пока нѣтъ болѣе опредѣленныхъ документальныхъ доказательствъ, поле можно считать за сторонниками римской традиціи ¹⁾.

Подведемъ итоги.

Римскіе города своимъ удобнымъ въ промышленномъ отношеніи положеніемъ указали средневѣковымъ городамъ ихъ мѣста. Учрежденія городского судебного округа и свободной сельской общины послужили основой, изъ которой выросъ остовъ средневѣкового городского устройства. Торговая эволюція и вытекающія изъ нея отношенія съ рыночными распорядками на первомъ планѣ дали плоть и кровь этому остову. Идея особеннаго городского мира намѣтила развитіе права, главнымъ образомъ уголовнаго. Она же вліяла на разработку частнаго права, которое, съ другой стороны, направлялось фактомъ приселеній, установившимъ юридическія отношенія по землѣ. На городскія отношенія въ первое время ихъ развитія реагировалъ сенъеральный режимъ, оставившій слѣды на юридической и политической структурѣ города. На корпоративныхъ отношеніяхъ, кромѣ всего этого отразились еще традиціи римскихъ корпорацій.

Таковой представляется вѣроятная схема процесса возникновенія средневѣковыхъ городовъ и ихъ устройства.

¹⁾ Мы не касались здѣсь воззрѣній Гирке, одного изъ особенно убѣжденныхъ противниковъ римской традиціи, потому что по своему догматическому характеру его работа (*Das Deutsche Genossenschaftsrecht.*) не можетъ интересовать такъ непосредственно. Въ пользу римской традиціи склоняется, по видимому, и М. М. Ковалевскій („Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ“, изд. Павленкова), приводящій нѣсколько любопытныхъ фактовъ.

Не не слѣдуетъ забывать, что въ этой схемѣ сдѣлана сводка наиболѣе характерныхъ условій. Исторически она быть можетъ нигдѣ и не оправдывалась цѣликомъ. При исторической конструкціи никогда не слѣдуетъ забывать того, что мѣстныя условія видоизмѣняютъ повсюду основные моменты. Римское вліяніе проникло далеко не во всѣ пункты германскаго міра, учрежденія городского судебного округа не были одинаково устойчивы въ различныхъ составныхъ частяхъ Каролингской монархіи, идея особеннаго мира не вездѣ принимала однѣ и тѣ же формы. Экономическія условія также разнообразились до безконечности.

Историческіе выводы вышеизложенныхъ изслѣдователей, поскольку они являются прочными, прежде всего воспроизводятъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ картины частныхъ эволюцій, болѣе или менѣе обширныхъ территоріально. Считается исчерпаннымъ окончательно вопросъ о происхожденіи городовъ средневѣковаго запада не можетъ. Новыя изслѣдованія, особенно на неразсмотрѣнныхъ англійской и итальянской почвахъ, открываютъ новые матеріалы и выставляютъ новыя точки зрѣнія.

Наука долго еще будетъ работать надъ этимъ вопросомъ, но, свободная отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія первыхъ изслѣдователей и обладающая, какъ видѣлъ читатель, болѣе совершенными методами, она будетъ работать болѣе увѣренно; а въ исторіи каждый фактъ, дающій дѣлу то или иное новое освѣщеніе, можетъ считаться шагомъ впередъ.

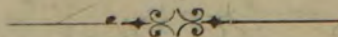

- Кнаппъ, Г. Ф. Виды организаціи труда въ сельской промышленности. М. 1897. Ц. 50 к.
- Крымскій, А. Мусульманство и его будущность. Ц. 75 к.
- Ланге. Эмоціи (психо-фізіологическій очеркъ). Ц. 30 к.
- Лафаргъ, П. Умственный трудъ и машина, М. 1900. Ц. 45 к.
- Ледантекъ, Ф. Живое вещество. Съ двумя статьями его „Жизнь и смерть“ и 6-ю чертежами. Ц. 75 к.
- Ледантекъ, Ф. Индивидуальная эволюція, наслѣдственность и неодарвинисты. Ц. 1 р.
- Легренъ, М. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 к.
- Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Масе. Исторія кусочка хлѣба. Изд. 2-е. С.-Пб. 1874. Съ 20 табл. рис. Ц. 75 к.
- Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ. Ц. 30 к.
- Милль, Д. С. Автобіографія. Ц. 75 к.
- Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта. Ц. 1 р.
- Милль, Д. С. Система логики. Ц. 5 р.
- „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р, въ изящ. перепл. 1 р. 50 к.
- Неждановъ, П. Нравственность (съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма). Ц. 1 р. 25 к.
- Паульсенъ, Ф. Нѣмецкіе университеты и ихъ историческое развитіе. Ц. 40 к.
- Петрункевичъ, М. А. Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Поллокъ, Ф. Исторія политическихъ ученій. Ц. 40 к.
- Право и миръ въ международныхъ отношеніяхъ. Хрестоматія по международному праву, составл. профес. Л. А. Камаровскимъ и П. М. Богаевскимъ. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к.
- Proust и Ballet. Гигіеническое лѣченіе неврастеніи. Переводъ д-ра М. И. Петрункевича. Ц. 60 к.
- Ревилль, Ж. Религія въ Римѣ при Северахъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. М. 98 г. Ц. 80 к.
- Святловскій, 2-й, В. В. Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи. Ц. 50 к.
- Святловскій, 2-й, В. В. Л. Brentano, его жизнь, возрѣнія и школа. Съ портретомъ Brentano. Ц. 1 р. 25 к.
- Соболевъ, М. Н., проф. Коммерч. географія Россіи Ц. 1 р. 25 к.
- Соболевъ, М. Н., проф. Очерки изъ исторіи всемірной торговли. Ц. 1 р. 20 к. Одобрено Уч. Ком. Мин. нар. Просв.
- Сорель, А. Монтескье. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. П. Г. Виноградова. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Ц. 50 к.
- Столѣтовъ, А. Г. Проф. Введеніе въ акустику и оптику. Съ 200 чертеж. изд. 2-е, испр. проф. А. П. Соеоловымъ. М. 1900 г. Ц. 2 р.
- Тейлоръ, И. Происхожденіе арійцевъ и доисторическій человѣкъ. Съ 30 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.
- Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.
- Токвиль, А. Демократія въ Америкѣ. Переводъ съ 14 франц. изд. В. Н. Линдъ. XV+628 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

- Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній. Ц. 1 р.
- Уордъ, Л. Очерки социологіи. М. 1901. Ц. 1 р.
- Фрейманъ, В. Ф. Свойства, классификація и каталогизировка библиотекъ. Ц. 25 коп.
- Фуллеръ, А. Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 р.
- Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община Ц. 2 р.
- Чаннингъ, Э. Исторія Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ Ц. 1 р.
- Шарко, Ж. Исцѣляющая вѣра. Ц. 15 к.
- Шелли. Сочиненія, Въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Вып. 5-й. Ц. 75 к.
- Шмурло, Е. Ф. Голодный годъ (1898—99). Ц. 60 к.
- Штраусъ, Ф. Вольтеръ. Съ 2-мя портр. Вольтера. Ц. 80 к.
- Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Ц. 75 к.

Изданія А. М. Муриновой.

- А. М. Семья-Маге. Передѣлка съ французскаго. Ц. 12 к.
- Булгакова, Е. И. Японія и японцы. Съ рисунками. Ц. 35 к.
- Быкова, А. Вильгельмъ Оранскій. 2-е изданіе. Ц. 20 к.
- Ея же. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, съ 7-ю рисунк. и геогр. картой. Ц. 50 к. Одобр. Уч. Комит. М. Н. П. для библиотекъ ср. уч. зав. и народн. читаленъ.
- Быстренинъ, В. П. Сухарь. Разсказъ. Ц. 4 к. Уч. К. М. Н. Пр. допущенъ въ народн. библ. и читальни.
- Волкова, Е. Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и его время. Истор. очеркъ. Изд. 2-е. Ц. 20 к. Одоб. Уч. Ком. М. Н. П. для библиотекъ ср. учебн. зав. и для народныхъ библиотекъ и читаленъ.
- Ея же. Несчастный женихъ. Историческій разсказъ. Ц. 20 к.
- Вѣтринскій, Ч. Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина. Ц. 7 к.
- Его же. Н. В. Гоголь и его произведенія. Ц. 8 к.
- Его же. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (украинскій поэтъ). Ц. 4 к.
- Его же. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ц. 15 к.
- Икономовъ, В. Древній Египетъ. Культурно-историческій очеркъ. Съ 9-ю рис. Ц. 35 к. Доп. Уч. Ком. М. Н. П. въ народныя библиотеки и читальни.
- Короленко, Вл. Дѣти подземелья. Разсказъ. 3-е изд. Ц. 5 к. Доп. Учен. Ком. М. Н. П. въ ученическія библиотеки нар. училищъ и нар. читальни.
- Купріянова, Л. Современная Бельгія въ связи съ ея историч. развитіемъ. Съ 8-ю рис. и географической картой. Ц. 75 к.
- Курочкинъ, А. Изъ жизни растений. Вып. I. Ц. 20 к. Доп. Уч. Ком. М. Н. П. въ народныя читальни.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Летные. Разсказъ изъ жизни сибирскихъ бѣглыхъ. Изд. 2-ое. Ц. 10 к. Доп. Уч. Ком. М. Н. П. въ народныя читальни.
- Несчастные. Сборникъ. Ц. 2 к.
- Сельскій, А. Бесѣды о землѣ. Ц. 8 к.
- Я-въ, В. Я. Георгъ Вашингтонъ и основаніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ц. 12 к.

ОДНОУМНОГО ПИЛИВЪ НА ЧУВЪ А